

Алиса Лаврова

ПРЕДАТЕЛЬ

оклеветанная
жена

Алиса Лаврова

Предатель. Оклеветанная жена

<https://litres.ru/74308853>

Аннотация

Мой муж вероломно воспользовался тем, что во время беременности моя магия ослабла, и вместе с моей лучшей подругой оклеветал меня, чтобы завладеть книгой знаний моего рода, которая, как он считал, может возвысить его до верховного мага академии «Каменная Корона».

Меня, лишённую дара, оклеветали, обвинили в использовании чёрной магии, заклеямили отступницей и беременную отправили туда, где жизнь человека ничего не стоит, — в место, где доживают свои дни все преступники с погасшим даром, на рудники, добывать магические камни.

Но предатель не знает, что там мне суждено найти то, что изменит мою судьбу и поможет вернуть всё, что он у меня отнял.

Содержание

1	5
2	9
3	17
4	26
5	31
6	36
7	41
8	46
9	51
10	56
11	61
12	66
13	71
14	75
15	81
16	86
17	92
18	96
19	101
20	107
21	112
22	117
23	123

24	128
25	133
26	139
27	146
28	152
Конец ознакомительного фрагмента.	154

— Любимый, скажи им, что это неправда, ведь ты же видел.. — голос дрожит. Я смотрю на мужа, но он лишь отводит глаза, как будто боится взглянуть на меня.

Магические оковы больно стискивают мои запястья и горло. Я чувствую покалывание, исходящее от блокираторов магии, встроенных в металл оков, и меня начинает тряссти крупной дрожью, от страха и от холода.

Цепляюсь за решётку, чтобы не упасть, и снова пытаюсь поймать взгляд Дария. Милый, почему же ты не скажешь?

Он должен сказать, что я ничего не совершала, что тут какая-то ошибка, и меня отпустят. Да, разумеется, так и будет! Мой любимый сделает всё для меня. Иначе и быть не может. Ведь он обещал...

Сердце колотится как бешеное, и я чувствую, как малыш внутри меня беспокойно бьёт ножками.

— Милый, скажи им, что я тут ни при чём, что я не связана ни с какими чёрными практиками, — говорю я, умоляюще глядя на мужа.

Он, наконец переводит на меня взгляд. Пронзительные зеленые глаза, которые я так люблю и в которых тонула тысячу раз, словно это море любви, смотрят теперь неотрывно, словно он пытается одним взглядом что-то сказать мне.

Что, милый, что? Почему ты смотришь так, словно между нами тысяча миль?

Я подаюсь вперед, как будто желая так стать ближе к Дарию, но меня останавливают прутья решетки и он отводит взгляд. Его желваки играют, когда он смотрит на судью.

— Помощник Ранвейр, вы готовы подтвердить слова вашей супруги? — звучит жёсткий голос судьи Ноктиана.

— Я замечал странности в Лейле в последнее время... Но не придавал им серьёзного значения... Она была слишком нервной, всё время как будто скрывала что-то. Но я списывал все странности на её состояние, вызванное беременностью, и на её неумение сжиться с отсутствием дара.

В первое мгновение знакомый низкий голос мужа успокаивает меня, сердце начинает биться ровнее и я даже выдыхаю, чувствуя облегчение. Конечно, он все объяснит, бояться нечего. Просто недоразумение. Но потом я начинаю вслушиваться в то, что он говорит...

— В тот день я случайно застал ее за тем, как она... Ваша честь... Простите... — Дарий откашливается.

— Продолжайте, — судья твердо смотрит на мужа.

— Я увидел в ее руках коробку с черным камнем, она что-то делала с ним, я не знаю что... и В первое мгновение я, признаться, был напуган. Я знаю как опасны черные камни, я слышал о них, но видеть их мне не доводилось. Я надеялся, что это какая-то ошибка, возможно, что это что-то другое.

— Как миссис Ранвейр объяснила это событие?

— Она сказала, что не знает, что это такое. Я подумал, что она, возможно, не лжет и я решил обратиться в имперскую службу. У меня были подозрения, что возможно, кто-то подбросил это в мой дом, хоть это и кажется невероятным...

— Конечно не лгу, Дарий! — выкрикиваю я. — Зачем ты это говоришь, ты же знаешь, что это ложь! Я нашла его случайно в твоём ящике! Ты же сказал, что веришь мне!

— Если вы не успокоитесь, миссис Ранвейр, нам придется наложить на вас заклятие тишины. Поверьте мне, это весьма неприятно. — со сталью в голосе говорит судья и блокираторы на мне сжимаются с болезненным скрежетом.

Судья видит, как я задыхаюсь, а потом расслабляет оковы. Бросает на меня презрительный взгляд и снова обращается к Дарию:

— Итак, вы сказали, что знаете о камнях скверны. Значит вам было известно, какова сущность вещи, обнаруженной вами у вашей жены?

— Я, как помощник верховного магистра, осведомлен, но о подлинных свойствах скверны могу лишь догадываться, ваша светлость. Всем известно, что любые контакты с оскверненными камнями запрещены, даже ради исследований.

— Но вы сообщили магистру о вашей находке, хоть и не были на сто процентов уверены, что это?

— Я почувствовал зло, исходящее от камня, и сразу обратился к магистру, чтобы убедиться наверняка. Его опыт и

мудрость для меня являются эталоном. Он подтвердил мои худшие опасения. В шкатулке действительно оказался камень черной скверны. Моя жена занимается черными практиками

Голос Дария гулко отражается от сводов судебного зала. Я снова хочу крикнуть изо всех сил, что это неправда, но издаю лишь сдавленный стон.

Почему он так говорит? Должно быть объяснение. Не может быть, чтобы он был так жесток. Почему, любимый, почему? Почему ты даже не пытаешься найти объяснение? Ведь ты погубишь меня и нашего ребенка...

Накануне...

Лейла

Сквозь запотевшее стекло кареты различаю, как первые вечерние фонари расплываются жёлтыми пятнами в сырой мгле.

Вдали, сквозь пелену дождя, нахожу взглядом пять башен Каменной Короны — четыре сияют разноцветными огнями, пятая погружена во тьму, как всегда. Где-то там, в одной из светящихся башен, мой Дарий — наверняка засиделся на заседании совета допоздна...

Капли стекают по стеклу извилистыми ручейками, преломляя свет, исходящий от башен Академии.

Холод пробирается сквозь тонкую ткань платья, заставляя поёживаться. Малыш толкается в животе, будто тоже недоволен непогодой.

— Тише, малыш, всё хорошо, — шепчу с улыбкой, обнимая живот.

Карета замедляет ход, колёса приглушённо шуршат по мокрому гравию.

— Приехали, госпожа Ранвейр, — доносится приглушённый голос кучера Томаса.

Дверца распахивается, впуская запах мокрой земли и пре-

лой листвы. Томас протягивает жилистую руку, помогая выбраться. Ступаю на скользкие камни, цепляясь за его локоть — центр тяжести смещён, каждое движение требует усилий. Восьмой месяц беременности даёт о себе знать.

— Позвольте, помогу вам, — Томас тянется к свёртку с книгами из библиотеки, где я провела полдня.

— Ничего, я сама, — упрямо прижимаю к себе книги. — Я не настолько беспомощна.

Внезапно что-то чёрное вылетает прямо из-под колёс кареты — сгусток мокрой тьмы. Вскрикиваю, инстинктивно прижимая руку к животу. Сердце пропускает удар.

Пёс. Тощий, с прижатыми ушами. Мокрая шерсть слиплась в сосульки, жёлтые клыки обнажены в оскале. На загравке топорщится свалявшаяся от дождя шерсть.

— А ну пошёл отсюда! — Томас топает ногой, брызги из-под его ботинка летят псу в морду.

Животное шарахается в сторону и исчезает в тёмной подворотне, растворяясь в тенях.

— Всё хорошо, госпожа? — Томас обеспокоенно придерживает меня под локоть.

— Да, просто... испугалась.

— И куда только городские службы смотрят, — бормочет он, провожая взглядом место, где скрылась собака.

Прикрываю глаза, стараясь выровнять дыхание.

Поворачиваюсь к дому и сквозь завесу дождя различаю знакомый силуэт.

Ариана, моя лучшая подруга, стоит у входной двери, словно собираясь уходить. Сердце наполняется теплом — боже, две недели мы не виделись!

— Ари! — окликаю её, и улыбка сама расплзается по лицу. Поднимаю руку, машу. — Ариана!

Она вздрагивает, медленно оборачивается. В полумраке её золотистые волосы словно светятся. Выражения лица не разобрать.

— Спасибо, Томас, я дальше сама, — отпускаю кучера и спешу к подруге, неуклюже переваливаясь.

— Лейла... — голос Арианы звучит сдавленно, словно ей трудно произнести моё имя.

Обнимаю её крепко, прижимаясь щекой к щеке. Золотистые волосы, обычно безупречно уложенные, сегодня слегка растрёпаны непогодой. От Арианы исходит аромат любимых жасминовых духов вперемешку с запахом сырого вечера.

— Я так рада тебя видеть! — беру её под руку. Ладонь ледяная, пальцы мелко подрагивают. — Ты, наверное, замёрзла! Пойдём в дом! Расскажешь все новости! Как экзамены? Как тот противный профессор Крамб?

— Лейла, я... — Ариана мягко высвобождает руку. — Я тоже очень рада тебя видеть. Правда. Но мне уже нужно спешить. Отец просил быть к ужину.

— Отец? — разочарование острым уколом. — Но ты же только пришла?

— Я просто хотела убедиться, что ты... — она запинается,

отводит взгляд, — что у тебя всё хорошо. — Делает шаг назад, и свет из окна падает на её лицо. Бледная, под глазами тени, губы плотно сжаты. — Прости, я правда должна идти.

— Ари, что происходит? — тревога холодной волной растекается по телу. — У тебя всё в порядке?

Какое-то тревожное предчувствие сжимает грудь. Что-то не так, но она не хочет говорить...

— Давай хотя бы вынесу зонт, ты же промокнуешь насквозь...

На её лице наконец появляется знакомая тёплая улыбка.

— Ой, Лей, вечно ты обо всех заботишься! — она театрально закатывает глаза. — Смотри, что я теперь умею!

Поднимает руки, сосредоточенно хмурится — точь-в-точь как в академии, когда мы зубрили первые заклинания. Шепчет слова на древнем языке, путаясь в окончаниях, и над её головой вспыхивает неровный мерцающий купол. Он подрагивает, местами почти прозрачный, но капли дождя послушно скатываются вниз!

— Ари! — хлопаю в ладоши. — Это же щиты четвёртого уровня!

— Ага, сложно! — фыркает она. — Минут на пять моих силёнок хватит, если повезёт. Зато как эффектно!

В груди щемит лёгкая грусть. Пока я читала сказки своему животу, однокурсники осваивали настоящую магию. Но радость за подругу перевешивает.

Она словно читает мои мысли.

— Лей, не грусти! Когда твой малыш родится, — говорит она серьёзно, но в уголках глаз всё ещё прячется улыбка, — и твоя магия вернётся, ты нас всех обгонишь за месяц. Ты же Валенс! Помнишь, как профессор Морвен говорил? «В роду Валенс магия течёт, как река»! Мы все ещё будем тебе завидовать!

— Да ладно тебе... — вздыхаю, чувствуя, что напрасно тревожилась. Ариана всё та же.

— Лейла! — Ариана сжимает мои пальцы. — А знаешь что? Давай в субботу встретимся в нашей кондитерской — помнишь, где мы праздновали твою помолвку? Закажем те безумные пирожные с розовым кремом и будем болтать, как раньше. Идёт?

— В полдень? — улыбаюсь я.

— В полдень! И никаких отговорок! — она грозит пальцем, потом порывисто обнимает, шепчет на ухо: — Я скучала, Лей. Правда скучала, но мне надо бежать.

— Я тоже, — глотаю комок в горле, радуясь, что у меня есть такая подруга.

Она отстраняется, подмигивает и удаляется под своим дрожащим куполом, который уже начинает мерцать. Через десяток шагов магия гаснет, и Ариана со смехом накидывает капюшон, убегая под дождь.

— Ты решила полностью отдаться изучению водной стихии?

Голос за спиной — низкий, с лёгкой хрипотцой, мгновен-

но растапливающий все тревоги. Оборачиваюсь, и дыхание перехватывает, как всегда при виде мужа.

Дарий стоит в дверном проёме, прислонившись плечом к косяку. Белая рубашка с закатанными до локтей рукавами открывает сильные предплечья с выступающими венами. Верхние пуговицы расстёгнуты, обнажая загорелую кожу шеи и ключиц. Тёмные волосы слегка взъерошены, несколько прядей падают на лоб. В зелёных глазах пляшут золотистые искры, а в уголках губ прячется та самая улыбка, от которой у меня всегда подгибаются колени.

— Дарий, ты дома! — делаю неуклюжий шаг к нему, придерживая живот.

Он в два шага оказывается рядом, бережно обнимает — одна рука ложится на поясницу, поддерживая, вторая скользит по плечу. Прижимает к себе так нежно, словно боится причинить вред.

— Промокла вся, — шепчет он, его дыхание щекочет ухо.
— Замёрзла, милая?

— Немного, — признаюсь, прижимаясь щекой к его груди.

Вдыхаю родной запах — сандаловое дерево и что-то неуловимо мужское, что всегда сводит меня с ума. Под щекой чувствую тепло его кожи сквозь тонкую ткань рубашки, размеренное биение сердца.

— Сейчас исправим, — негромко говорит он.

Его ладони начинают светиться мягким красноватым све-

том. Чувствую, как тепло разливается от его прикосновений — сначала по плечам, потом ниже, окутывая невидимым одеялом. Мокрые волосы мгновенно становятся сухими и лёгкими, платье больше не липнет к телу. Магия Дария обволакивает меня, делится его собственным теплом, и я буквально таю от этой заботы. Все тревожные мысли испаряются.

— М-м-м, — блаженно выдыхаю. — Как же хорошо...

Малыш тут же оживляется, начинает толкаться, словно тоже чувствует папино тепло.

— Кто-то проснулся, — Дарий улыбается, осторожно кладёт большую ладонь на мой округлый живот.

От его прикосновения по телу разливается ещё больше тепла. Малыш толкается прямо в его ладонь, и лицо Дария озаряется такой нежностью, что у меня перехватывает дыхание.

— Соскучился по папе? — он наклоняется ближе к животу, его дыхание щекочет даже через ткань платья. — Я тоже соскучился. По вам обоим.

Дарий поднимает на меня глаза — потемневшие, с расширенными зрачками — и медленно выпрямляется. Его рука остаётся на животе, вторая скользит к щеке, убирая прядь волос за ухо.

— Но особенно по маме, — выдыхает он, наклоняясь и легко целуя меня в шею.

Теряю самообладание от этой нежности, поворачиваю го-

лову, чтобы поймать его губы, и взгляд цепляется за что-то светлое на белой ткани рубашки у плеча.

Волос приклеился к рубашке Дария. При ярком свете ламп он кажется слишком светлым, почти золотым...

Машинально тянусь смахнуть его, но Дарий перехватывает мою руку, переплетает наши пальцы.

— Что такое? — спрашивает, целуя костяшки.

— Ничего, просто... показалось.

Он наклоняется ближе.

— Дарий...

— М-м-м? — улыбается он, наконец найдя мои губы.

Поцелуй глубокий, но нежный. Одна рука зарывается в мои теперь сухие волосы, вторая поглаживает спину, и я таю от нежности.

— Боги, как же я скучал, — шепчет он мне в губы. — Весь день думал о тебе. О том, как приду домой...

Малыш выбирает этот момент, чтобы особенно сильно пнуть, и мы оба смеёмся.

— Кажется, кто-то требует ужина, — Дарий берёт меня за руку. — Пойдём в дом. Я приготовил твой любимый тыквенный суп.

— Ты готовил? — удивляюсь я.

— Для моих любимых — всё что угодно, — он ведёт меня через порог, отсекая дождь и все тревоги.

После ужина устраиваемся в гостиной. Я с книгой в кресле, Дарий подходит к излучателю тепла — изящной конструкции из кованого железа в углу комнаты. Внутри, в специальных гнёздах, тускло мерцают красные тирсы.

— В прошлый раз заряда хватило на неделю, — говорит он, вытаскивая первый камень. Тирс размером с грецкий орех, когда-то ярко-алый, теперь бледный, почти прозрачный. — Эти продержались всего шесть дней.

Достаёт второй, третий — все они выглядят выжженными, опустошёнными. Когда-то эти камни пульсировали внутренним светом, согревая весь дом. Теперь от них остались лишь тусклые оболочки.

На лице Дария на мгновение мелькает тревога, но он тут же берёт себя в руки.

— Что-то с качеством? — спрашиваю, наблюдая, как он аккуратно извлекает опустошённые камни.

— Возможно... — он вздыхает, — словно по дороге с рудников они успевают разрядиться...

— Или кто-то подворовывает? — предполагаю я.

— Не думаю... — задумчиво произносит он. — Схожу за свежими.

— Я принесу! — откладываю книгу.

— Лейла...

— Дарий, мне нужно двигаться, — встаю, придерживая живот. — Я целый день просидела с книгами. К тому же мне нравится быть полезной. Я беременная, а не больная!

Он смотрит на меня с нежностью — знает, как важна для меня самостоятельность.

— В кабинете, верхний ящик стола. Деревянная шкатулка с красными тирсами.

— Я знаю! — говорю деловито.

Иду в его кабинет — святая святых, куда обычно стараюсь не заходить без приглашения.

Комната пропитана ароматом книг и чернил. На столе аккуратные стопки документов, в шкафах ровные ряды фолиантов.

Накидываю на плечи мантию Дария — тёплая, пахнет им. Сразу становится уютнее.

Открываю верхний ящик стола. В глубине вижу знакомую деревянную шкатулку, достаю её и ставлю на стол.

И тут мой взгляд цепляется за нечто странное, чего раньше там не было.

Чёрная коробка с вытравленным на крышке серебряным ромбом. Странно тяжёлая и словно слишком гладкая на ощупь, будто сделана из полированного камня. И ещё... Едва беру её в руки, меня охватывает необъяснимое ощущение.

Касаюсь пальцем серебряного ромба. Металл вибрирует, и я чувствую, как что-то внутри откликается на прикосновение. Тянет, манит, словно настойчиво зовёт...

Внутри всё кричит — оставь! Убери обратно! Не трогай! Но словно против своей воли открываю крышку.

На чёрном бархате лежит камень. Но это не обычный ка-

мень силы — он чёрный, абсолютно чёрный. Он не излучает свет, а словно поглощает его. Воздух вокруг камня дрожит и искажается.

Никогда раньше не видела ничего подобного...

Рука сама тянется к нему. Не хочу касаться, но не могу остановиться.

Кончики пальцев соприкасаются с гладкой поверхностью. Боль! Невыносимая, выворачивающая наизнанку!

Что-то чужое и холодное проникает под кожу, растекается по венам. Хочу закричать, но не могу.

Внутри всё взрывается.

Сердце колотится как бешеное. Малыш в животе начинает беспокойно ворочаться.

И вдруг липкая, едкая чёрная пыль, начавшая окрашивать палец, которым я коснулась камня, резко отступает и с шипением возвращается обратно в камень.

Ребёнок в животе сильно бьёт ножкой, так что я вздрагиваю всем телом. И тут слышу резкий окрик.

— ЛЕЙЛА!

Резкий крик Дария возвращает меня в реальность. Он стоит в дверях, лицо белое как мел. В три шага пересекает комнату и вырывает коробку из моих рук, захлопывая крышку.

— Что ты делаешь?! — его голос дрожит от ярости или страха, не могу понять.

— Ты же сам сказал... в верхнем ящике... тирсы... — лепечу я, всё ещё ощущая холод от прикосновения к чёрному

камню.

Дарий смотрит на меня долгим, изучающим взглядом. Словно видит впервые. Словно я чужая.

— Откуда это у тебя? — его голос стал тихим, опасным.

— Я же говорю — из ящика. Ты сказал, там красные камни...

— Не лги мне, Лейла. Скажи, где ты это взяла?

Слова бьют как пощёчина. Я отшатываюсь.

— Дарий, что ты... Я не лгу! Эта коробка была в твоём столе!

— Это... — он поднимает чёрную коробку, в его голосе неподдельный ужас и такая боль, что внутри меня всё холодеет, — это чёрная скверна, Лейла. Запрещённые тирсы. За одно хранение — смертная казнь. Их не могло быть у меня в столе. Я помощник верховного магистра Амонтиса. Ты хоть понимаешь, что это значит?

— Милый, я не знала, что это! Я просто увидела странную коробку и... Пожалуйста...

Губы дрожат, я еле выговариваю слова, чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы.

— И ты решила открыть незнакомую коробку? Просто так?

В его глазах мелькает что-то пугающее. Недоверие. Подозрение.

— Я...

— Ты трогала камень?

Он берёт мою руку, жёсткие пальцы сжимают ладонь.

— Я лишь коснулась... Но случилось что-то странное. Словно чёрная пыль начала проникать в палец, а потом... малыш толкнулся, и она отступила. Словно испугалась. Всё хорошо, ничего не произошло, я в порядке! Пожалуйста, не пугай меня, милый, скажи, что всё будет хорошо...

Его лицо становится мертвенно-бледным. Он перебирает мои пальцы, словно ища следы от камня.

Потом Дарий отпускает мою руку и подходит к окну.

— Твой род, Лейла... Валенсы всегда были под подозрением. Древняя кровь, странные практики... — говорит он спустя бесконечную минуту молчания. — Исчезновение твоих родителей и сестры... Я никогда не верил слухам, но...

— Это просто слухи! — у меня перехватывает дыхание. — Дарий, ты же не думаешь, что я могла...

Он снова поворачивается ко мне, подходит ближе, всматривается в моё лицо. Я вижу в его глазах борьбу.

— Ты же не просто так коснулась его. Скажи мне честно, Лейла — ты знала, что это за камень?

— Нет! — слёзы текут по щекам. — Клянусь нашим ребёнком, я не знала! Я не знаю, что это! Клянусь!

Внутри всё сжимается. Дыхание перехватывает, в глазах начинает темнеть.

При этих словах что-то ломается в его взгляде. Жёсткость тает. Он смотрит на мой живот, на моё заплаканное лицо, и вдруг притягивает меня к себе, крепко обнимает.

— Прости, — шепчет он в мои волосы. — Прости меня, любимая. Я... на секунду я усомнился. Прости.

— Дарий... — всхлипываю я, цепляясь за него. — Я правда ничего не знаю. Если это не твоё... Может, кто-то подкинул?

— Тише, тише, — он гладит меня по спине, успокаивая. — Конечно, ты не виновата. Как я мог подумать... Ты же моя Лейла. Моя чистая, светлая девочка. Я всё выясню...

Он отстраняется, вытирает большими пальцами слёзы с моих щёк.

— Ты веришь мне?

— Верю. Кто-то подставил нас. Не знаю кто и зачем, но это ловушка. — Он берёт моё лицо в ладони. — Но я всё улажу. У меня есть влияние в Совете. Я найду способ защитить тебя.

— А если они узнают, что я касалась камня?

— Никто не узнает, — говорит он уверенно. — Я что-нибудь придумаю. Доверься мне, любимая.

Он обнимает меня снова, и я растворяюсь в его объятиях. В его руках я чувствую себя защищённой. Он всё решит. Он всегда всё решает. Иначе и быть не может.

— Пойдём спать, — шепчет он. — Завтра будет трудный день. Нам обоим нужны силы.

Он берёт меня за руку и ведёт в спальню, оставив проклятую коробку в кабинете. Помогает раздеться — на восьмом месяце даже это становится сложной задачей. Укладывает в

постель, сам ложится рядом, притягивает к себе.

— Я так люблю тебя, — шепчет он в темноте, глядя мой живот. — Вас обоих. Вы — весь мой мир.

— И мы тебя любим, — отвечаю я, прижимаясь к нему спиной.

Чувствую, как ужас постепенно отступает.

— Помнишь, как мы мечтали о ребёнке? — его голос полон нежности, но я замечаю, как он говорит быстрее обычно, голос слегка дрожит, и он держит меня так крепко, словно боится, что я исчезну. — Ещё в академии, когда только начали встречаться. Ты говорила, если будет девочка — назовём Селеной, а если мальчик — Валерианом.

— Помню, — улыбаюсь я в темноте. — Ты смеялся над моим выбором имён. Говорил, что они слишком старомодные.

— Они прекрасны, детка. — Он целует меня в шею. — Спи, любимая. Я рядом. Я всегда буду рядом.

— Обещаешь?

— Обещаю. Что бы ни случилось, я защищу тебя. Ты и наш малыш — самое дорогое, что у меня есть.

Его дыхание выравнивается, становится глубоким. Я тоже начинаю засыпать, убаюканная его теплом и чувством безопасности. В полусне чувствую, как он целует меня в висок.

Просыпаюсь от того, что постель рядом пустая и холодная. В комнате темно, только лунный свет пробивается сквозь занавески.

— Дарий? — сонно зову я и поворачиваюсь.

Вижу его силуэт у окна. Он одет, в руках какие-то бумаги.

— Да, — говорит он тихо. — Мне нужно идти.

— Сейчас же ночь... Куда ты?

В сердце вгрызается тревога. Воспоминания о чёрном камне впиваются острыми когтями, и меня охватывает мелкая дрожь.

— Пожалуйста, не уходи... Мне страшно...

— Всё будет хорошо. Я со всем разберусь. Спи, любимая. Ни о чём не думай, я скоро вернусь.

Он подходит, целует меня в лоб. Его губы холодные, словно он долго стоял у открытого окна.

— Люблю тебя, — шепчет он.

— И я тебя люблю, — бормочу я, уже проваливаясь обратно в сон.

Слышу, как с глухим стуком закрывается дверь.

Настоящее время...

— И вы не касались этой вещи, помощник Дарий?

— Нет, ваша светлость, не касался. — качает он головой.

— О таком я бы и помыслить не мог. Я слышал, к чему это может привести... И это причина, по которой я изначально сомневался в природе этого камня. Видите ли. Моя жена коснулась камня, но... Он не заразил ее, как это описано в трактатах. Я изучил ее руки, они оказались чисты, хоть она и призналась, что трогала камень... Позже я узнал, что это может быть только в одном случае...

Дария передёргивает, он поводит своими широкими плечами, и его красивое лицо кривится. Он обхватывает одну ладонь другой, как делает всегда, когда нервничает.

— В каком же?

— Если адепт темных сил знает, как их использовать.

Судья молчит несколько секунд. Переводит взгляд с Дария на меня, потом обратно.

— Вам очень повезло, помощник магистра Дарий. Вы совершенно правы. Это очень опасная вещь, смертельно опасная для любого одарённого. Душа любого, коснувшегося скверны, может быть поглощена за считанные мгновения. Именно поэтому черные камни так опасны и запрещены.

Судья делает паузу и оглядывает присутствующих, потом пристально глядит на Дария.

— Как ни прискорбно мне это констатировать, но ваша супруга, похоже, связалась с темными силами, что подтверждает подозрения, относительно странного исчезновения ее родителей и сестры.

Мои родители? Почему они говорят о моих родителях?

Я хочу крикнуть, но блокираторы сдавливают горло.

— Магистр Шардин, покажите нам камень пожалуйста, — произносит судья твердо.

Толстый магистр раскрывает чёрную шкатулку и показывает её содержимое. Грани черного камня мрачно блестят в свете факелов, и мне кажется словно он пытается жадно впитать их свет. От одного вида этого камня меня начинает мутить, как в тот день, когда я нашла его в кабинете у мужа.

— Вы продолжаете упорствовать и утверждать, что не знаете, что это такое, миссис Ранвейр? — Он облизывает губы и морщит нос.

Судья, при виде камня, начинает кашлять и вытягивает руку, прикрывая рот платком. Представитель совета понимающе кивает и закрывает крышку.

— Камень скверны, — говорит Шардин. — Интересно, где вы взяли его, миссис Ранвейр? Потрудитесь объяснить суду.

— Я не знаю, что это такое... — сдавленно говорю я. — Никогда прежде я его не видела до того дня, пока не нашла

у Дария в столе...

— Путаетесь в показаниях, миссис Ранвейр. И, похоже, хотите скинуть все на того, кто вас обвиняет? Вы понимаете, как глупо это звучит? Потрудитесь объяснить, почему ваш муж утверждает, что вы касались его и что-то делали с ним? Вы утверждаете, что он лжет?

— Я прикасалась, лишь раз, когда случайно... Я никогда...

— Чего и требовалось доказать, — перебивает меня представитель совета. Он зеваает, смотрит на часы и перелистывает свои бумаги. — Подсудимая призналась, что взаимодействовала с чёрным камнем. Неудивительно, учитывая печальное прошлое рода Валенс...

О чем это он? При чем тут мой род?

— Я не...

— Пожалуйста, помолчите. Вы сможете высказаться, когда вам дадут слово. — Судья сурово глядит на меня, и я чувствую, как оковы сжимаются так, что я едва могу вдохнуть.

Сказать ничего в свою защиту мне не дадут. Теперь это ясно. Слезы сами собой текут из глаз от осознания полной беспомощности. Я хочу проснуться в своей постели, выдохнуть с облегчением, осознавая, что все происходящее было страшным сном.

Но это не сон.

— Ваша светлость, — доносится голос имперского про-

курора, — у обвинения есть свидетель, который может пролить свет на это дело. Прошу войти Ариану Амонтис.

Ариану? Мою Ариану?

А она-то здесь при чем?

Моя самая близкая подруга, та, с которой я дружила с самого детства, та, с которой мы прошли рука об руку два года академии, входит в зал и встаёт рядом с Дарием, поправляет свои длинные золотые волосы, которыми всегда так гордилась и кивает представителю.

Ариана трогает Дария за руку, словно бы по-дружески, но я чувствую, как будто в этом жесте гораздо больше.

Нет, это мне кажется. Они ведь толком даже не знакомы.

Вспоминаю золотой волос, который сняла с плеча Дария в тот день. В сердце словно вонзается раскалённая игла.

Не может же быть, чтобы они... Нет. Что, если она не пришла ко мне в тот день, а уходила от Дария?..

Нет. Это бред. Этого не может быть.

Но в следующее мгновение я вижу, как мой Дарий бросает на Ариану взгляд, полный любви и огня, такой взгляд, которым, как я была уверена, он смотрит только на меня.

Он что-то шепчет ей на ухо и она едва заметно улыбается, опуская взгляд.

На меня Ариана не смотрит, словно меня вовсе здесь нет.

В глазах темнеет, когда судья что-то спрашивает у Арианы. А потом я, словно сквозь толщу воды, слышу её голос, полный как будто бы искренней грусти и сожаления:

— Я всегда считала Лейлу своей лучшей подругой. И когда погибли ее родители и сестра, мне даже начало казаться, что я в какой-то степени заменила ей Анику, как будто заняв ее место.

— Ближе к делу, — Раздраженно говорит судья.

— В общем, мы с Лейлой были очень близки. Мы вместе учились в академии и делились всеми секретами. Ну вы знаете, как это бывает у девушек нашего возраста. — Она улыбается, словно вспомнила что-то хорошее. — И я, ваша светлость, любила ее, как сестру. Поэтому мне так тяжело сейчас быть здесь. Но я не могла пойти против совести, когда узнала ее тайну, которая касается всего нашего сообщества, всей Зантии.

— Какую тайну вы узнали, мисс Амонтис? — судья подается вперед.

Ариана оглядывается по сторонам, словно боится произвести вслух то, о чём её просят.

— Она предложила мне провести тёмный ритуал с чёрным камнем, чтобы вернуть силу... Ее очень тяготило то, что во время беременности она лишена возможности использовать магию. В тот день она с восторгом показала мне ту коробку и камень и сказала, что он достался ей от родителей и хранился в тайне долгие годы. У неё был такой взгляд, словно она была одержима этой вещью. Мне стало так больно и страшно...

Я слушаю то, что она говорит, и из меня словно выдирают сердце. Ариана всё ещё не смотрит на меня, переводит дух и поджимает губы.

Каждое слово — чистая ложь... Но зачем?

— Я понимаю, что вам трудно об этом рассказывать, ведь она ваша подруга, но что было дальше?

— Я собрала все силы и подыграла ей. Сказала, что согласна, чтобы отвлечь её. Мне было больно осознавать, что моя ближайшая подруга оказалась... Что у неё оказалось такое чёрное сердце. Но я сразу, ещё там, в её комнате, твёрдо решила сообщить о том, что узнала, отцу.

Она умолкает и переводит дух, как будто пережила что-

то ужасное. Потом закрывает рот рукой и качает головой, словно не верит в то, что произошло.

По её щеке катится одинокая слезинка, блестящая, словно драгоценный камень.

Ариана говорит так натурально, что я бы сама поверила в её слова, если бы она рассказывала о ком-то другом. Она закрывает глаза руками и вздрагивает. Дарий обнимает её за плечи и что-то шепчет, чего я не слышу.

Я бросаю взгляд на камни правды, встроенные в высокую спинку кресла судьи. Они едва заметно мерцают, но никто не обращает на них внимания. Правда никому здесь не нужна.

— Но отцу вы не сообщили сразу, верно?

— Не сообщила, — она качает головой и всхлипывает.
— Я боялась за подругу. Подумала, может быть это какая-то ошибка, какая-то шутка, игра... Что угодно.. Я все крутила и крутила это в голове, но не могла найти ни одного внятного объяснения. Вы не представляете, как мне было тяжело, ваша честь. Узнать такое о самой лучшей, единственной близкой подруге. Это все равно, что узнать такое о сестре. Мое сердце было разбито. Я не хотела верить...

— И что вы сделали?

— Я обратилась к единственному человеку, который мог помочь, — всхлипывая, продолжает Ариана, — Я обратилась к Дарию.

— И как господин Ранвейр отреагировал на то, чем вы поделились с ним? — судья подается вперед.

Ариана снова переглядывается с Дарием, словно просит его разрешения говорить.

Он кивает едва заметно.

— Он не поверил мне. Сказал, что это невозможно, что его жена не может быть замешана ни в чем таком. Что он узнал бы если бы это было правдой. Признаться, мы расстались с ним тогда на очень тяжелой ноте. Он попросил меня никому не говорить о том, что я узнала. Сказал, что выяснит все сам, и если это правда, он доложит обо всем совету.

Когда голос Арианы затихает, и я вижу мужа, кивающего головой, я понимаю, что он не спасёт меня. Всё, что она говорит — чистая ложь. Как и всё, что говорил он. Моё слово против их слова не стоит ничего.

— Миссис Ранвейр, — обращается ко мне судья, — вы понимаете, что это означает?

— Простите? — спрашиваю я судью, с усилием пытаюсь разогнать серую пелену, застилающую мой взор, и оглядываю лица судьи, потом представителя совета, Дария и Арианы, единственных присутствующих в огромном зале суда, помимо моих конвоиров.

— Почему заседание проходит без зрителей? — слышу я собственный голос, звучащий безжизненно и глухо. — И почему у меня нет защитника? Почему камни правды не заряжены?

Но ответом меня не удостаивают. Судья делает вид, что не слышит моих слов, и о чём-то шёпотом переговаривается с

представителем совета, потом с имперским прокурором.

Только теперь до меня начинает доходить реальность происходящего и весь его ужас. Никто меня не спасёт.

Я одна.

Обнимаю себя за живот.

Это не суд. Это судилище. Никому нет дела до того, что скажу я. Мои оправдания их не интересуют.

Каждый знает, что тех, кто замешан в чёрной магии, истребляют безжалостно и молниеносно. Но что он говорил про моих родителей?

Я глотаю комок в горле, и вдруг внутри начинает нарастать справедливый гнев. Но не могут же они осудить невиновного человека...

Судья Ноктиан известен как сильный маг и справедливый человек, он не может так просто закрыть глаза...

— Вы, Лейла Валенс-Ранвейр, пользовались чёрной магией, — продолжает судья Ноктиан. — Это доказано головами двух одарённых под светом камней правды и тем, что вы касались чёрного камня скверны, на котором остался ваш уникальный магический след. Вы осознаёте, что это значит для вас?

— Я не знаю... — шепчу я, чувствуя, что место непонимания, горя и растерянности занимает чёрный страх, сжимающий всё моё тело. Куда отправляются те, кого уличили в чёрных практиках? Об этом никогда не говорилось. Люди просто исчезали навсегда. Люди, чья вина была доказана.

Всё ещё не могу поверить, что в этом обвиняют меня.

В этот момент я словно застываю душой, переставая понимать, где нахожусь и что происходит. Но голос судьи, который становится всё громче, усиливаясь магией фиолетовых камней, ослепительно разгорающихся под потолком, выводит меня из оцепенения.

— Время от времени находятся люди вроде вас. И хотя большая часть нашего общества честно служит свету и разбивает естественные стихии, находятся пропащие души, которых прельщает путь тёмной башни короны. Мне горько осознавать, что такая юная душа подпала под влияние злых сил, и мне, откровенно говоря, жаль вас, миссис Ранвейр.

Он останавливается на мгновение, и в его взгляде я даже начинаю видеть что-то вроде сострадания. Внутри моего сердца поселяется искорка надежды. Но следующие слова судьи беспощадно гасят её, погружая меня на самую глубину отчаяния.

— За чёрные практики в Зантии предусмотрено только одно наказание, миссис Ранвейр, — смертная казнь, — слова судьи звучат словно оглушительный громовой раскат. Толстые губы тучного представителя совета Шардина расплываются в едва заметной улыбке, словно именно этого он и ждал.

Сердце колотится как бешеное, я вглядываюсь в лица людей, и всё начинает застилать пелена от моих собственных слёз.

— Я хочу домой, — говорю, всё ещё не веря, что только что сказал судья Ноктиан. — Дарий, пожалуйста, скажи, что всё это неправда... Пожалуйста... Пусть они отпустят меня, ведь я ничего не сделала.

Дарий сжимает зубы и равнодушно смотрит на меня. Ничего прочесть по его лицу нельзя. Я хочу вытянуть руки вперёд, но оковы не дают мне этого сделать.

— Я не хочу умирать, — сдавленно говорю я, переводя взгляд на судью. Как же мой малыш? Вы же не можете убить ребёнка. Дарий, скажи им, скажи, что этого не может быть. Это же твой ребёнок, твоя плоть и кровь.

Сознание мутится. Мне вдруг снова начинает казаться, что всё это дурной сон, что так не бывает, что я сплю, и всё, что мне нужно, — это чтобы меня разбудили. Я снова окажусь дома, в тёплой постели, меня встретит улыбка любимого и его горячие объятия, а потом мы пойдём завтракать, и я расскажу ему, какой ужас мне приснился, а он, своими поцелуями, развеет мой страх.

Но нет. Холод решёток и ледяной взгляд женщины, кото-

рый был ещё недавно всей моей жизнью, отрезвляют меня. Я не сплю. Никто мне не поможет.

От осознания этой очевидной мысли всё моё тело трясёт помимо моей воли.

— Таков закон, — отрезает судья. — Ваши наигранные рыдания не помогут вам, миссис Ранвейр. Вы сами сделали выбор и понесёте справедливое наказание. Улик и свидетельств более чем достаточно. И ваш супруг не сможет вас спасти. Заседание окончено, приговор будет приведён в исполнение завтра мной лично.

Он ударяет молотком о деревянную подставку и небрежно кидает его на стол. Судья торопливо встаёт и, шурша своей мантией, торопится к выходу из зала суда, словно за ним горит земля и он стремится поскорее покинуть это место.

Я бессильно оседаю на пол, глаза застилает непроницаемая пелена. Мир в эту минуту рушится... Я не обращаю внимания на то, что происходит вокруг. Я обнимаю себя за живот, чувствуя, как горло сжимается от невыносимого горя.

Сердце болит так сильно, что кажется, если я сделаю несколько быстрых вдохов, оно остановится, растерзанное предательством Дария. Поэтому я дышу осторожно, чтобы не потерять сознание. Как же больно...

Тучный представитель совета Шардин поднимается со своего места и торопливо подходит к Дарию. Он что-то говорит ему раздраженно, но я не слышу.

— Постойте, ваша честь, — вдруг слышу я голос Дария

сквозь пелену оцепенения.

Поднимаю голову и вижу, как судья оборачивается и раздражённо спрашивает:

— Кажется, я ясно дал понять, что суд окончен, помощник Дарий...

— У моей жены есть кровные артефакты. Как минимум об одном мне известно. Я бы хотел знать, какова будет их судьба. По закону всё имущество отступницы должно перейти ко мне.

Отступница — так теперь он называет меня? Я больше не его Лейла, не любимая жена, не человек. Я лишь слово, произносимое с брезгливостью.

Судья Ноктиан поджимает губы и грубо отвечает Дарию: — Невоплощённые кровные артефакты будут уничтожены вместе с носителем, разумеется. Почему я должен объяснять вам очевидные вещи?

Судья Ноктиан раздражённо поводит плечами.

— Но ведь есть и другие варианты? — вступает в разговор Шардин. Его голос звучит мягко, и он берёт судью под руку. Я вижу, как его взгляд встречается со взглядом Дария, и он едва заметно кивает.

— Другие? — судья озадаченно поднимает бровь.

— Миссис Лейла Ранвейр является последней из рода Валенс, ваша светлость, — говорит представитель совета. — А это значит, что ей принадлежит книга рода Валенс. Терять такую вещь — подлинное расточительство. Быть может, есть

возможность изъять артефакт у миссис Ранвейр и передать его помощнику Дарию, как наследнику её имущества?

Судья несколько мгновений молчит и озадаченно смотрит на представителя совета.

— Ситуация, в некотором роде, экстраординарная, ваша светлость. Возможно, вам стоит быть немного более гибким. Глава совета будет вам очень благодарен.

Вижу, как представитель сжимает плечо судьи, делая особый акцент на слове «очень», и звучит это, словно угроза.

— Книга рода воплощается лишь когда носитель достигает степени верховного магистра, а эта девочка едва окончила два курса академии Каменной Короны. Вы бредите, магистр Шардин?

Магистр тихо говорит что-то.

— И вы считаете, она согласится на это? — отвечает судья.

Они говорят обо мне так, словно меня уже вовсе здесь нет, словно я животное, чья судьба давно уже решена — отправить на убой. И осталось только обсудить небольшие детали дела.

Прижимаю руку к груди, где прощупываются очертания руны, в которой запечатана книга рода Валенс. Я чувствую, как руна мягко пульсирует. Кровный артефакт был запечатлён на моём теле в день моего шестнадцатилетия и должен был воплотиться, когда я достигну степени верховного магистра в академии, то есть не раньше, чем через пятнадцать

лет тяжёлой учёбы и службы. Пятнадцать лет, которые мне теперь не суждено прожить.

— Извлечь артефакт одарённого носителя раньше времени невозможно. Любой, кто попытается сделать это...

— Миссис Ранвейр беременна, ваша честь, и срок рождения совсем скоро. Вы же понимаете, что это значит... — представитель совета бросает взгляд на меня, а потом снова что-то шепчет судье, так что я не могу расслышать.

Судья задумчиво качает головой.

— Отведите миссис Ранвейр в камеру, мне нужно подумать, — говорит судья. — Я встречу с главой совета и приму решение после разговора с ним.

И тут я понимаю, что, возможно, в кровном артефакте заключается мой ключ к спасению. Робкая надежда, словно цветок, пробивающийся сквозь весенний лёд, просыпается внутри, и сердце бьётся от волнения. Если это поможет выжить мне, то выживет и мой ребёнок. А кроме этого, ничто не имеет теперь значения.

Когда конвоиры проводят меня мимо Дария, крепко держа за плечи с двух сторон, он отводит взгляд.

— Почему, Дарий? — только и могу вымолвить я. Но он не отвечает, делая вид, что нашёл пылинку на своём камзоле. Но я вижу, как дрожат его пальцы.

По лицу Арианы пробегает тень, и она отшатывается, когда я прохожу мимо, словно я дикий зверь, который может на неё накинуться.

Решётки с оглушительным стуком захлопываются, и равнодушные руки безликого конвоира запирают мою камеру на ключ.

— Пожалуйста, если можно, принесите воды, — прошу я его.

Он бросает на меня взгляд, лишённый всяких эмоций, и молча качает головой.

— Это камера смертников, — шелестит он своим безликим голосом, по которому нельзя понять, мужчина это или женщина. — Мертвецам ни к чему пить и есть, Валенс.

Он отворачивается и скрывается в чёрных тенях коридора, бесшумно ступая по полированным серым плитам.

Дрожа, обхватываю себя за плечи, чувствуя, как холод камеры проникает, кажется, до самых костей. Кричать бесполезно, звать кого-то нет смысла. Никто не услышит. Никто не придёт. Я знаю, что это за место. Высеченная в горе темница для преступников-магов, из которой невозможно сбежать. Страшное место, которым пугают детей.

— Не будешь слушаться, попадёшь в Каслморт, — говорила мне мама и делала страшное лицо. А отец ей поддакивал. Но это всегда было лишь шуткой. Никто из моих знакомых никогда не попадал сюда. Это всегда были страшные

преступники, убийцы, воры и уличённые в чёрных практиках магии.

— Однажды попав туда, оттуда уже не выйдешь, — говорил отец и кривил страшную рожу, начиная щекотать меня.

Я, маленькая, смеялась и пыталась выпутаться из его хватки.

Если бы ты был жив, отец... Если бы мама была жива...

Сажусь на койку и сглатываю слёзы, держа руки на животе.

Ребёнок словно бы изнутри касается моей руки. Это не похоже на удар, словно он боится потревожить меня, зная, что я чувствую.

Слёзы падают на платье, и мне кажется, что мой ещё не рождённый ребёнок чувствует это и пытается меня успокоить.

Я осторожно ложусь на твёрдую кушетку и накрываюсь тонким истлевшим куском ткани, который, видимо, служит тут чем-то вроде одеяла. Дрожа всем телом от холода и страха, я пытаюсь успокоиться.

— Ещё не всё потеряно, — шепчу я и самой себе, и малышу внутри меня.

Ради него и ради себя я должна всё видеть, всё чувствовать и понимать, что происходит; только так можно спастись. Я теперь одна, и никто не поможет мне. А значит, я должна скрепить сердце и сделаться сильной. Такой сильной, какой никогда не была. Да и не нужно было, когда со мной был Да-

рий. Он, словно нерушимая скала, всегда был рядом, всегда оберегал меня, всегда согревал своим теплом.

Нет. Нельзя думать о нём. Нельзя. Если я начну думать, я погибла. Это всё теперь не важно. Важно только выжить.

Но его лицо, его глаза, равнодушно глядящие на меня, его улыбка, подаренная Ариане, и лживые слова... Это всё стоит перед моим внутренним взором, не давая моему сердцу перестать колотиться.

Зажмуриваюсь и сосредотачиваюсь на настоящем, как меня учил магистр Малиэн Вейл, когда я посещала уроки владения силой ветра в Синей башне.

— Отбрось все мысли, отбрось всё время. Сосредоточься на своём дыхании и на сгустке силы в самом центре твоего сердца, — его серо-голубые глаза, сетка морщин, когда он улыбался, длинные седые волосы, спадающие на плечи водопадом... Я в деталях пытаюсь вспомнить его лицо и его слова. И хоть магии во мне совсем не осталось, и я не могу выполнить практику полноценно, но даже этого достаточно, чтобы моё сердце начало биться ровнее, а мысли начали приходить хоть в какой-то порядок.

У меня есть то, что им нужно, а это значит, что моя судьба не решена до тех пор, пока они это не получают. Касаюсь руны на груди и нащупываю пальцами очертания пульсирующего узора. Я так привыкла к ней, что уже начала считать её неотъемлемой частью своего тела, прекрасно понимая, что время, когда я смогу воплотить то, что в ней запечатано, на-

ступит очень не скоро.

Видимо, в книге рода, перешедшей мне по наследству, есть что-то, что очень важно для тех, кто оклеветал меня. Есть что-то, что так ценно для Дария, что он готов убить за это и меня, и собственного ребёнка, которого я ношу под сердцем.

Острая боль снова колет меня в сердце.

Нет, нельзя, нельзя думать о нём, не сейчас. Это слишком больно.

— Дыши медленно и глубоко, — вспоминаю я слова магистра Вейла. — Твоё дыхание — это ритм твоего мышления.

Делаю глубокий медленный вдох и выдох. Снова и снова. Пока сердце не начинает биться ровнее.

Я так глубоко сосредотачиваюсь на практике, что не замечаю, как погружаюсь в сон. Мне снится моя покойная сестра Аника. Она идёт в высокой траве и оборачивается, зовёт меня. Её платье и распущенные волосы развеваются на ветру. Странно, но во сне она старше, чем была, когда я видела её в последний раз.

Она уже не угловатый подросток, а молодая девушка, именно такого возраста, какого была бы сейчас, если бы была жива. Солнце проходит сквозь её локоны и искрится. Воздух такой свежий, что пьянит, словно вино. Я хочу догнать её, обнять, прижать к себе. Но чем быстрее я иду, тем дальше она от меня.

— Постой, сестрёнка! — кричу я и ускоряю шаг, чтобы

догнать сестрёнку. Но она бежит всё быстрее.

А потом она исчезает.

Я бегаю по полю, зову её, но нигде не нахожу.

— Аника! — кричу я.

И тут натыкаюсь на странный участок земли. Здесь не растёт трава. Прохожу дальше и вижу яму. Бездонный чёрный колодец, заглянув в который, я сразу же чувствую знакомую вибрацию, как та, что исходила от чёрного камня.

— Валенс! — слышу я голос, исходящий оттуда, и меня пробирает дрожь.

Резко просыпаюсь от того, что кто-то трясёт меня за плечо.

В первую минуту не понимаю, что происходит, и мне кажется, что склонившийся надо мной тёмный силуэт — это Дарий.

Я тяну к нему руки и вдруг осознаю, что на мне кандалы, и мгновение спустя вспоминаю весь тот ужас, что произошёл вчера.

А потом понимаю, что это вовсе не Дарий, а мой конвоир.

— Судья Ноктиан ждёт тебя, Валенс, — шелестит конвоир. — Он не любит ждать, когда приходит время отнимать жизнь.

— Снимите с неё кандалы, — устало говорит судья Ноктиан, когда меня заводят в небольшую комнату с гладко отполированными тёмными стенами и тусклым светом красных камней, щедро рассыпанных по прозрачным сосудам.

Камней они здесь совсем не жалеют. Инстинктивно пытаюсь впитать немного тепла, но, разумеется, ничего не выходит. Здесь, кажется, ещё холоднее, чем в камере, но судье Ноктиану, конечно, до этого нет никакого дела: он может черпать столько тепла для себя, сколько ему нужно, будь тут хоть подземный ледник.

Высокая фигура пожилого судьи в этом небольшом помещении кажется огромной и подавляет меня, но голос его уже не такой громкий, как в зале суда.

Глубокие морщины на лбу и тёмные мешки под глазами свидетельствуют о том, что, похоже, судья этой ночью не сомкнул глаз. Жестом художавой кисти он указывает на кресло. Я вопросительно смотрю, и он кивает.

— Садитесь.

Он отодвигает массивное кресло из чёрного дерева, поправляет свою тёмно-серую мантию и усаживается напротив меня, заключив длинные тонкие пальцы в замок.

Я съёживаюсь под взглядом его цепких глаз. Лицо судьи

не выражает ничего, он лишь внимательно оценивает меня, словно я насекомое, а он здесь для того, чтобы осторожно выдернуть мне все лапки и крылышки и обстоятельно описать весь процесс для тех, кого интересуют подобные вещи.

Мой безликий конвоир снимает с меня блокираторы магии, и я сразу же чувствую облегчение. Нет, не от того, что мой дар возвращается — разумеется, он точно так же спит, как и прежде, — но от того, что у меня возникает иллюзия свободы.

Резкий хлопок сзади. Вздрагиваю и оглядываюсь — всего лишь дверь.

— Эти стены хранят крики многих, — сухо говорит судья, не отводя глаз. — Убийцы, отступники, воры и насильники, все они есть среди магов. Мы истребляем их, как плесень на чистом теле нашего общества. Но вы, миссис Ранвейр... Вы не похожи на одного из тех, с кем мне приходилось иметь дело в прошедшие годы моей службы. Или я должен называть вас теперь мисс Валенс?

— Я не знаю, — говорю я, чувствуя, что от меня требуется куда больше, чем ответ на этот странный, кажущийся неуместным вопрос. Задавая его, судья как будто спрашивает куда больше.

— Совсем юная девушка, да ещё и беременная, связывается с чёрной магией... Звучит как приговор всей Зантии. И хорошо, что ваше дело не будет широко освещаться. Ещё не хватало, чтобы у людей возникли вопросы.

— Я ничего не делала...

Но он лишь поднимает руку, заставляя меня замолчать.

Судья прочищает горло и продолжает:

— Зло чаще всего выглядит как зло, и чем более развращён человек, тем больший отпечаток оно на нём оставляет. Таков закон равновесия. Но есть и другой закон. Закон силы. Согласно этому закону можно преодолеть любой другой закон. Хотим мы того или нет, нам нужно считаться с этим. Вы понимаете, о чём я говорю?

Я смотрю ему в глаза, держа руки на животе, и пытаюсь распознать скрытый смысл его слов, но он ускользает от меня. А есть ли этот скрытый смысл? Почему его слова звучат так странно, будто он говорит одно, а хочет сообщить что-то другое.

Нет. Всё это мне кажется. Если он и играет в какую-то игру, мне её смысл не понять. Судья Гелиар Ноктиан известен всей Зантии как мыслитель, опубликовавший не один труд на стыке магии, философии, а речь его славится тем, что в каждой фразе прячется загадка или скрытый смысл.

— Простите, судья Ноктиан, я не знаю, о чём вы. Я не совершала никакого зла, я даже не знаю, что такое этот чёрный камень. Меня оклеветали.

Когда я говорю это, сердце колотится, а голос дрожит. И чем дольше я говорю и не встречаю сопротивления, тем с большим жаром я продолжаю.

— Я всегда стремилась только к добру, только к магии

свободных камней, всегда хотела занять своё место на пути к познанию света одной из башен каменной короны. Я не понимаю, что происходит, и я не понимаю, почему Дарий так обошёлся со мной, почему Ариана сделала это. Почему они сговорились против меня...

Судья молча смотрит на меня, и на его лице появляется чуть заметная улыбка.

— Нет ни одного преступника, который бы не сказал, что невиновен. Нет ни одного злодея, который считал бы себя таковым. Но знаете что, мисс Валенс?

Я обнимаю себя за плечи. Холод его взгляда пробирает меня до костей.

— Вам уже ничто не поможет. Вы напрасно пытаетесь оправдаться.

Он откидывается на спинку кресла и барабанит пальцами по столу.

И вдруг до меня начинает доходить то, что он хочет мне сказать.

— Правда ведь никому не нужна в Зантии, верно я поняла ваши слова?

Он улыбается одними глазами.

— Вот зло и проявилось в вас. Не так уж вы невинны, как пытаетесь представить.

— Я не понимаю...

— Люди видят только то зло в других, на которое сами способны. Люди порицают в других только то, что в тайне

ненавидят в себе. Люди могут стремиться только к тому свету, который способны отразить.

— А как же справедливость? Как же правосудие?

Я знаю, что он не ответит, и он не отвечает.

— Вы хотите услышать от меня, мисс Валенс, что в Зантии нет правосудия?

— Правосудие есть, ваша светлость, пока есть такие люди, как вы.

Он кивает, словно услышал исчерпывающий ответ на свой вопрос. И в этот момент я отчётливо осознаю, о чём только догадывалась в ходе этого разговора. Судья Ноктиан точно знает, что я невиновна. И он хочет, чтобы я знала об этом.

Он подается вперед и его голос становится тише. Лицо, в свете красных камней кажется зловещим и куда более старым, чем есть на самом деле.

— Самое главное правосудие человек вершит над самим собой. Наша задача только в том, чтобы дать ему такую возможность. Правда всегда будет на стороне того, кто не сдастся и верит и никакая ложь не сможет ему помешать. Ложь будет отскакивать от невинного, как дождь отскакивает от черепицы не причиняя ей вреда. Поэтому правосудие это выбор, мисс Валенс. Только от вас зависит, какой вы сделаете выбор.

Он улыбается на мгновение и я вижу отзвук истинной эмоции этого человека, впервые за все время, на его лице проскальзывает что-то настоящее, неподдельное, живое.

Он играет со мной в какую-то игру? Или он хочет предупредить меня о чем-то. Что бы он сейчас не делал, я стараюсь как можно лучше запомнить этот момент, потому что происходящее кажется мне чрезвычайно важным. Я смотрю в его холодные цепкие глаза, отблескивающие красными всполохами огненных камней, и понимаю, что он как будто ждет моего ответа.

Наконец я киваю.

— У человека есть выбор всегда, но лишь до того момента, пока он жив, — говорит судья. А вы ведь наверняка хотите остаться в живых не так ли?

— Хочу, — бесцветным голосом говорю я.

Он обхватывает ладонями свое лицо, а потом трет глаза пальцами, и на мгновение у меня складывается ощущение, что он пытается поставить их на место. На какую-то долю мгновение у меня возникает странная мысль, что Судья Ноктиан это не живой человек, а безжизненная фигура, лишь выполняющая какую-то роль. Кажется, что глаза его ненастоящие, как и его жидкие волосы, неестественно худые руки и узловатые пальцы.

Что если сейчас рвануть к двери? Кандалов на мне нет, я смогу пробежать по коридору и, возможно, найти выход отсюда. Эта мысль проносится внутри меня стремительно, словно молния и я бросаю взгляд на выход. Дверь закрыта, но не заперта, нужно сделать только несколько шагов и бежать достаточно быстро...

— Боюсь, что бегство не для вас, мисс Валенс, — слышу я его голос, который теперь становится куда мягче.

Он убирает руки от лица и я снова вижу его глаза, которые теперь такие же живые, как глаза любого другого человека.

— Вы могли бы сейчас вскочить, рвануть к двери, пробежать по длинному коридору и даже увернуться от цепких рук Марка, дежурящего снаружи. Если бы вам очень повезло, вы бы даже смогли добежать до портала и активировать

синергию камней... Но увы, это не может сработать ни при каких обстоятельствах.

— Я вовсе не хотела...

— Все ваши эмоции написаны на вашем лице и прочитать их очень легко. Предупреждаю вас не делать глупостей, которые нельзя будет исправить.

— Разве я не должна умереть сегодня? Ведь вы же здесь для этого? К чему эти разговоры? Ничего уже не исправить, разве не так? Как сказал мой конвоир -- я уже мертва. Или вам нравится говорить с мертвыми?

Судья Ноктиан качает головой.

— Вам повезло, у вас есть то, что может спасти вашу жизнь, — говорит он голосом лишенным эмоций. — Поэтому вы еще не мертвы.

Я прикладываю руку к груди.

— Кровный артефакт, — говорю я.

— Именно! Вы слышали наш разговор с представителем совета, я полагаю. Ничего удивительного.

— И вы сохраните мою жизнь? — спрашиваю я с надеждой.

— Ваша жизнь сейчас только в ваших руках. И не только ваша, — многозначительно говорит он.

Судья Ноктиан встает и подходит к двери.

— Приведите помощника Дария. — Теперь голос его звучит так же жестко и властно, как в зале суда.

От упоминания имени мужа что-то внутри меня приходит

в движение, и я словно теряю опору под собой.

Я вовсе не ожидала, что смогу увидеть его так скоро. Сердце стучит и в эти мгновения ожидания мужа, я внутри себя сражаюсь с какой-то безумной надеждой и такой же непреодолимой обидой.

Мне страшно даже подумать о том, как поведу себя, когда увижу его.

— Успокойтесь, мисс Валенс! — Властно говорит судья. И тут я понимаю, что при упоминании имени мужа встала со своего места. — Я пригласил вашего супруга, или теперь уже бывшего супруга для того, чтобы он помог изъять артефакт из вашего тела, по возможности, сохранив вам жизнь. Глава совета наделил его некоторыми полномочиями...

— Зачем ему сохранять мою жизнь? Ведь это по его вине случилось все это.

— Потому что это было моим условием, мисс Валенс.

Судья многозначительно смотрит на меня и в сердце мелькает робкая надежда. А что если судья правда на моей стороне? Что если он хочет помочь мне? Но почему? Неужели в этом сухом и до предела разумном человеке проснулось сочувствие?

Нет, на основе таких простых эмоций подобные люди не принимают решений. Тут что-то другое.

Он знает, что я невиновна. Теперь знает, и дал мне это понять. Но знал ли он об этом в зале суда? Мысли путаются в голове и я пытаюсь понять что здесь правда, что игра, а что

может спасти меня.

Точно я знаю только одно. После того, что случилось со мной, после предательства двух самых близких людей, я уже никогда и никому не смогу поверить.

И тут дверь открывается и в комнату входит мой муж. ЕГО длинные волосы забраны назад, он одет в черный камзол с золотой вышивкой, а в руках его коробка из серебристого металла с прожилками и узорами, по которым словно по лабиринту бегают разноцветные искры.

-- Здравствуйте, ваша светлость, -- говорит он и делает легкий поклон.

В сравнении с худой фигурой судьи, Дарий кажется огромным, от одного взгляда на его лицо мне становится нестерпимо больно. Дыхание перехватывает и во рту мгновенно пересыхает.

Первая моя реакция — это броситься ему на шею, утонуть в его объятиях, увидеть в его глазах то тепло, что он всегда дарил мне. Развеять этот кошмар.

— Дарий, — шепчу я.

Сейчас он скажет судье, что все это было ошибкой, как-то объяснит, что я ни в чем не замешана.

А через секунду я прихожу в себя и разгоняю сладкий морок вызванный безумной надеждой.

Нет. Этому не бывать. Он смотрит на меня равнодушно, словно я чужая.

Как же быстро я забыла о том, что только по его вине я оказалась тут. Как предает меня мой собственный разум, что при виде мужа я буквально перестаю мыслить разумно. Руки трясутся, так что я кладу их на стол, чтобы этого не было видно. К лицу приливает кровь и я стараюсь дышать спокойно и размеренно.

Нет. Не смотреть на него. Этого я себе позволить не могу.

Чтобы не видеть этих глаз, которые я так люблю, я вынуждена отвести взгляд в сторону. Он здесь, я могу протянуть руку и коснуться того, кто еще вчера был всей моей жизнью. Но какая же пропасть разделяет нас теперь. И эта пропасть создана его жестокими руками, его ложью...

Горло сдавливают от горя. Только не плакать, только не показывать ему, что со мной происходит в эту минуту. Почему нельзя приказать сердцу не биться так сильно в присутствии предателя?

— Здравствуй, Лейла, — говорит он и от его голоса все внутри меня переворачивается. В его голосе есть едва заметное тепло. Или мне это кажется?

В ответ я молчу. Больше ни слова. Больше никаких просьб и никаких попыток узнать почему он это сделал.

Теперь Дарий мой враг.

Что судья говорил о зле? Он говорил, что оно проявляется в тех, кто творит его и видно наглядно. Но по Дарию ничего такого не видно. Это все то же лицо, которое я так любила, все тот же взгляд, заставляющий мое сердце трепетать. От того, что он сделал, ничего не изменилось в нем. И это самое страшное.

Он подходит ближе и молча касается моего лица. От его прикосновения меня словно бы бьет молния. Я отшатываюсь назад и наконец заглядываю в его зеленые глаза.

Он смотрит спокойно и твердо. Кажется, что вот сейчас он улыбнется, и скажет, что все это лишь глупая шутка... Кажется, что одно его слово сейчас может перевернуть все это, стереть все, что произошло.

Но я знаю почему мне это кажется. Потому что только это-го я и хочу. Вернуть все, забыть, снова оказаться дома, снова быть в его объятиях. Не чувствовать страха, не чувствовать холода и не чувствовать на себе цепкого взгляда судьи Ноктиана, который безмолвно наблюдает за этой сценой, словно изучая для себя в ней каждую деталь и подмечая для себя на будущее.

— Убери руки, — говорю я, стараясь, чтобы голос мой звучал как можно спокойнее, но он предательски дрожит.

— Успокойся и сядь на место, — говорит он мягким голосом. Но в этом голосе нет ни любви, ни сострадания. Он говорит так, будто я собака, которую нужно выдрессировать, а потому необходимо говорить со строгостью.

— Судья Ноктиан позвал меня, чтобы я вытащил артефакт. — говорит он мне, словно я неразумное дитя. — Ты должна сесть на место и если не будешь делать глупости и сопротивляться, все пройдет гладко. Возможно, за сотрудничество, судья Ноктиан сочтет возможным сохранить твою жизнь на какое-то время. Но это лишь при условии, что ты не доставишь мне проблем. Я сделаю то, что должен сделать и мы с тобой больше не увидимся.

От двух последних слов мое сердце раздирает такая сильная боль, что дыхание перехватывает. Несколько часов, и любовь, которая объединяла нас, превратилась в нем в ничто, как будто я уже умерла. М может быть и не было никогда этой любви?

Может быть он всегда был жестоким безжалостным человеком, которого интересует только одно — сила и власть. Недаром же единственное, о чем он беспокоился на суде, был мой кровный артефакт, который может сгинуть в случае моей смерти. О том, что ждет меня и нашего нерожденного ребенка он даже не подумал, не обмолвился, не попросил суд о снисхождении.

Зверь. Холодный и расчетливый зверь. Вот кто он.

Значит я все эти годы жила во лжи рядом с ним? От первой минуты нашей встречи до вчерашнего дня?

Закрываю рот рукой и зажимаюсь.

В глазах темнеет.

То, что я уже, казалось, пережила внутри себя, теперь, когда я встретила с ним лицом к лицу, вспыхивает так ярко, что боль почти парализует меня, блокируя разум и все остальные чувства.

— Что ты за чудовище, Дарий? — сдавленным голосом спрашиваю я и сжимаю зубы, чтобы не закричать от боли.

— Сядь на место, — резко говорит он и с силой сажает меня на кресло, схватив за плечи.

По моим щекам катятся слезы, когда он продолжает говорить глубоким низким голосом, который раньше так волновал меня, а теперь вызывает только парализующий страх:

— Положи руки на стол, — приказывает он низким властным голосом и открывает серую коробку со сверкающими прожилками.

Я послушно, словно марионетка, выполняю то, что он говорит и смотрю на странного вида артефакты внутри коробки, словно искрящиеся в свете красных огней змейки, созданные из чистого полированного серебра.

Все чего я хочу теперь — это пережить то, что мне предстоит. Все, чего я хочу, чтобы это наконец закончилось и не чувствовать присутствие Дария рядом, не слышать его голос.

Я закрываю глаза.

— Сейчас тебе будет очень больно, но ты должна терпеть. Слышишь меня, Лейла?

Я киваю.

Что-то холодное касается моих рук. Я открываю глаза и вижу, как артефакты из коробки, словно жидкий металл ползут вверх по рукам обвиваются вокруг моих запястий и поднимаются, постепенно нагреваясь, пока не начинают обжигать меня нестерпимым жаром.

— Терпи, и не двигайся, — рычит Дарий и касается моей груди жесткими пальцами.

В ушах нарастает ужасный гул. Вся кровь внутри меня словно бы начинает вскипать, и я чувствую, как болью взрывается каждая клетка моего тела. Я пытаюсь вырваться, дергаюсь. Но Дарий крепко держит меня, не отрывая руки от моей груди в том месте, где начертана руна.

— Пожалуйста, хватит, — пытаюсь сказать я, но изо рта вырывается лишь сдавленный стон. Змеи поднимаются по моим рукам всё выше и уже обвивают плечи, а потом подступают к самому горлу, стискивая его, словно пытаюсь меня задушить.

Пытаюсь вдохнуть, но не могу, пытаюсь закричать, но дыхания не осталось.

— Она может не выжить, — слышу я голос судьи и краем сознания, который ещё не охвачен болью, отмечаю, что в голосе сухого и собранного старика звучит неподдельная тревога.

— Выживет, она должна выжить, — твёрдо говорит Дарий и рукой прижимает моё тело к креслу. Голова запрокидывается, и я чувствую, что теперь тело словно не принадлежит мне.

Внутри как будто осталась лишь частичка сознания, способная регистрировать происходящее. Всё остальное сдаётся под натиском чудовищной боли. Руна пульсирует так, слов-

но я вся превратилась в один чудовищный сгусток боли и ужаса, а рука Дария пытается вытянуть из меня последние остатки жизни.

Змеи уже опутывают мою грудь, и я чувствую, что сознание покидает меня. То, что раньше было болью, теперь превратилось в ужасающий ярко-красный свет, перейдя в новое состояние, ввергая меня в пространство, где нет ничего, кроме неопишуемого страдания.

Это не кончится никогда. Это навечно.

— Ну же, давай! — кричит Дарий мне в лицо, нависая надо мной.

— Она слишком слаба, — говорит судья, и я слышу его голос рядом со своим ухом, как будто он совсем близко.

— Ну так помогите, — бросает Дарий. — Мы так потеряем её!

Он беспокоится за меня? Мой милый Дарий, он всё же любит меня. Он не хочет, чтобы я умирала, хочет, чтобы жила. Мысли продираются сквозь пелену света, убивающего меня. Но это не мои мысли. Это мысли девочки, которую ещё не предали.

Мысли отпечатываются на моём сознании, захваченном болью, кровавыми отпечатками.

Наивная, глупая девочка.

— Мы не можем потерять книгу, — рычит Дарий.

Книга. Ему нужна лишь книга.

Когда змеи доходят до руны и начинают вгрызаться в неё,

я уже уверена, что мертва. Пережить такое не может ни один человек.

А потом чьи-то руки обхватывают мою голову, и я с удивлением чувствую, как по моей крови растекается магическая сила, подавляя боль и давая мне вдохнуть немного воздуха.

Словно глядя со стороны на саму себя, я вижу, как Дарий как будто погружает руку туда, где должно быть моё сердце, и дёргает её изо всех сил, вырывая то, что внутри.

Я слышу свой собственный крик. Или это крик Дария?

Следом за этим, словно насытившись и потеряв ко мне всякий интерес, металлические змеи со звоном падают на пол, и я чувствую, что боль постепенно отступает. И вместе с болью как будто уходит вся кровь.

Я вижу, как Дарий смотрит на странный металлический предмет у себя в руках — странно похожий по форме на руну, которая была начертана у меня на груди.

— Получилось, — говорит он с благоговением и сжимает предмет в руке. — Я сделал это.

Он так гордится, будто получил медаль.

Я обмякаю в кресле, уже не ощущая боли, но чувствую, как кровь стекает по одежде и капает на пол.

Дарий бросает на меня задумчивый взгляд и хмурится.

— Что же, я получил то, что хотел, — говорит он и прячет металлических змеек в свою коробку. — Спасибо, ваша светлость, что помогли мне. Я расскажу совету. Без вас, пожалуй, отступница бы умерла до того, как я успел бы выта-

щить артефакт.

Он с презрением смотрит на меня.

На пороге Дарий останавливается и, держась за ручку двери, спрашивает:

— Какая судьба ждёт эту...

— А для вас это важно?

Дарий пожимает плечами.

— Я за то, чтобы её умертвили немедленно, но, возможно, это слишком гуманное наказание.

— А что бы сделали вы?

— Пепельная пустошь, — говорит Дарий, и от этих слов всё внутри меня холодеет, несмотря на то, что я едва сохраняю сознание.

Если бы не руки судьи, лежащие на моих плечах, через которые медленно вливается лечебная сила, я бы давно уже потеряла сознание, сердце бы остановилось.

— Там всегда не хватает людей. А камни сами себя не добудут. Добровольцев с каждым годом всё меньше, а рабочие мрут как мухи.

— Отправлять одарённую в такое место... Вы слишком жестоки, помощник Дарий. — Я чувствую, как судья качает головой.

— Если она всё ещё беременна и выем артефакта не убил дитя, ей ничто не угрожает, её дар спит.

— А если плод выжил, и она разродится там?

— Либо она выживет и сможет работать дальше, либо

умрёт, либо её утятнут мракоплавы. Любой из этих вариантов меня бы устроил.

Судья молчит, но я чувствую, что он раздумывает.

— И вам не жаль вашу жену? Ведь она носит под сердцем вашего отпрыска.

Дарий лишь качает головой.

— Её поглотил мрак, как и моё дитя, — с горечью говорит Дарий. — Она должна заплатить за ту боль, что причинила мне своим предательством. Пусть страдает. Пусть искупит хотя бы каплю своей вины передо мной и перед Зантией. Я бы сам привёл смертный приговор в исполнение, если бы мне позволили. Но это слишком расточительно.

Я хочу встать, хочу заглянуть в его лживые глаза, но не могу даже шевельнуться.

— Всего доброго, судья Ноктиан, — говорит Дарий и выходит.

А следом за этим судья убирает руки с моих плеч, и сознание начинает покидать меня.

— Боюсь, ваши страдания только начинаются, мисс Валенс, — тихим голосом говорит он.

И как будто в последнюю секунду перед тем, как потерять сознание, я отмечаю в его голосе нотки сочувствия.

Яркий убийственный свет сменяется спасительной темнотой, и я, наконец, теряю сознание.

Ариана

Я жду Дария у зеленой башни короны. Холодно и сыро, небо застилают тяжелые, свинцовые тучи. Надеваю капюшон, стараясь защититься от дождя. Можно было бы зайти внутрь, но мне хочется увидеть, как он подходит издали.

Вот его высокая фигура появляется вдалеке, он выходит из экипажа и, не обращая внимания на дождь, проходит по дороге возле открытой галереи. Капли воды стекают по его длинным волосам и я чувствую, как он непринужденно испаряет их силой огня, даже не прикладывая усилий, даже не обращая на это внимания.

Мне так и хочется подбежать и прижаться к нему, но я терплю. Он сказал, никаких проявлений любви на людях. Но как же сильно хочется броситься ему на шею сейчас и зацеловать...

— Как прошло? — спрашиваю я робко и иду за ним, стараясь не отставать.

Он бросает на меня холодный взгляд своих чудесных зеленых глаз, от которых у меня всегда мурашки по коже, и кивает, не говоря ни слова. От его немногословности и твердости взгляда мое сердце еще больше трепещет.

— Значит, получилось? Скажи, получилось? Ты вытащил

книгу?

— Вытащил, — мрачно говорит он и входит внутрь башни, расталкивая первокурсников, которые толпятся тут, высматривая результаты экзаменов.

— Это отлично! — не могу я сдержать восторга и хватаюсь за его плечо, пытаюсь остановить. Но он отмахивается и идет дальше.

— Я бы на твоём месте хотя бы сделал вид, что тебе жаль свою подругу, — говорит он и бросает на меня презрительный взгляд.

— А за что её жалеть? За то, что она связалась с темными силами? Ведь ты же сам просил меня помочь, сказать в суде то, что я сказала.

— И удивлен тому, как легко тебе это далось. Я ненавижу её за то, что она сделала, желаю ей сгинуть, но радоваться тут нечему. Я потерял жену и дитя. А ты... Ты видимо ничего не потеряла, Ариана.

Он рычит мне это в лицо и я отшатываюсь.

— Я всего лишь обрадовалась, что у тебя получилось...

В ответ он лишь поднимает руку, призывая меня замолчать.

— Мне нужно встретиться с магистром, не ходи за мной, — бросает он грубо. — Поговорим позже.

Я остаюсь стоять в коридоре и смотрю ему в спину. С ней он бы никогда не стал так говорить. А со мной он говорит так, как хочет. Захочет — нагубит, захочет — прогонит. А

чем я хуже? Ведь он же обратил на меня внимание.

От обиды и злости подступают слезы.

Я могла бы сказать отцу, что Дарий меня обидел, и тогда... тогда бы ему не поздоровилось. Только благодаря мне он так быстро пошел в гору, благодаря мне он из свежего выпускника академии почти сразу стал помощником самого магистра. Редкая удача, говорили все остальные. Хорошие близкие знакомства, — ответила бы я.

Закрываю глаза и вспоминаю наш первый разговор. Лейла долго держала в тайне, что встречается со старшекурсником. И даже когда открыла мне эту тайну, долго не хотела рассказывать, кто же это. День за днем я допытывалась, но подруга была непреклонна и только говорила, что я все узнаю в свое время. Я уже было потеряла интерес, решив, что это какой-нибудь тихий добренький парень из тех, кто звезд с неба не хватает, и Лейла не показывает его, потому что ей стыдно.

Но стоило мне увидеть его рядом с ней, сердце тут же пропустило удар, а потом еще один. Его взгляд словно прожег на моем сердце вечное магическое клеймо, и покоя я с тех пор уже не знала. Дарий Ранвейр... даже я боялась к нему подойти, лишь вздыхая и глядя на него издали. Он нравился каждой девчонке в академии — это я знала точно. Но когда он обратился лично ко мне и сказал своим безумно волнующим низким голосом:

— Я рад познакомиться.

Не описать, какое волнение это во мне вызвало. И как я

была зла на Лейлу, в очередной раз вынужденная проглотить то, что ей везет всегда и во всем, за что бы она ни бралась. Она первая на нашем курсе овладела удержанием фокуса, первая смогла зажечь красный камень, первая овладела начальной ступенью познания. А теперь она еще и отхватила самого красивого адепта академии.

Я была уверена, что он быстро бросит ее, но одновременно с этим не желала этого, потому что, будучи ее подругой, часто могла находиться рядом с ним. Слышать его голос, его смех, с любовью разглядывать его, мечтая втайне о том, что когда-нибудь он будет моим. Я знала, что это несбыточно, но мечты так просто не погасишь.

Призрачная надежда долго теплилась во мне, но когда было объявлено о помолвке и была назначена дата свадьбы, я впала в отчаяние. Я, как подруга невесты, готовила ее к свадьбе, взяв на себя львиную долю организации этого мероприятия, а сама каждый день рыдала в подушку, изнывая от желания, которое никогда не сбудется.

Дарий снился мне каждый день. И сны эти были вовсе не скромными девичьими снами. Мне снилось что он, словно дикий зверь берет меня силой, что я утопаю в его яростном желании и отдаюсь без остатка.

Я просыпалась, и не могла сомкнуть глаз до утра, не понимая, что со мной происходит. Обнимала подушку и представляла, что это Дарий, а потом снова погружалась в беспокойный сон, с его именем замершим у меня на устах.

И когда я уже начала подозревать, что скоро мой рассудок не выдержит этого убийственного безответного чувства, случился разговор с отцом, который все изменил.

Когда Лейла забеременела и покинула академию на время, пока её магия угасла, я решила, что больше не вынесу этого мучения и не буду видеться с ней, а значит, и с ним, надеясь, что так моё сердце успокоится.

Но становилось только хуже. Я днями ходила сама не своя, а ночью почти не спала. Дошло до того, что даже отец, всегда равнодушный и холодный, заметил, что я почти не ем и глаза у меня всегда на мокром месте.

— Я давно не видел у нас в гостях твою подругу, — с деланным участием говорил он. — Тебе стоит встретиться с ней, развеяться, погулять. Связи очень важны, девочка. Она сильный адепт и в будущем займёт важное место, учитывая её родословную.

Девочка... Он всегда называл меня девочкой, как будто у меня нет имени. Его всегда интересовала только власть, я-то знала об этом лучше других, как бы он ни притворялся. Он заставил меня подружиться с ней в самом начале курса, говоря, что Валенс — это великий, хоть и угасший род, и этот род хранит навыки и знания, которые сыграют важную роль. А если учесть, что Лейла последняя в роду, с ней лучше дружить.

Мне хотелось тогда крикнуть ему в лицо: «Да пусть она провалится, эта проклятая заучка, пусть сдохнет, пусть ис-

чезнет. Пусть её не будет, а Дарий будет моим». Но я смолчала и кивнула.

Я понимала, что думать так ужасно, понимала, что Лейла всегда была мне хорошей подругой и всегда поддерживала меня, но всё равно чувствовала только ненависть. Как будто чем больше любви к Дарию было в моём сердце, тем больше я ненавидела ту, что он выбрал.

Но вместо того чтобы крикнуть отцу то, что мне хотелось, я, как всегда, кивнула и сказала:

— Спасибо за совет, отец. Лейла вышла замуж, сейчас у неё медовый месяц. Когда она вернётся, я обязательно приглашу её.

— Замуж? — отец удивлённо поднял бровь. — Надо же...

— Да, за Дария Ранвейра. Может быть, ты слышал о нём. Отец нахмурился и рассеянно покачал головой.

— Этот момент я упустил, — пробормотал он и что-то шепнул на ухо своему помощнику, адепту Гариусу, низкорослому мужчине лет тридцати с тонкими усиками.

Гариус, который всегда избегал смотреть мне в глаза, мазнул меня взглядом и снова потупился, потом часто закивал.

Он всегда был рядом с отцом, готовый выполнить любое его поручение. Как верный пёс или, возможно, сын, о котором отец мечтал, разочарованно глядя на меня. Гариус, благодаря своему положению приближённого, имел в обществе изрядный вес, но никак этим не пользовался, оставаясь лишь тенью моего отца. Жалкий маленький человек. Я догадыва-

лась, что Гариус был влюблен в меня, и эти его робкие взгляды вызывали во мне сперва смех, а после уже раздражение.

А что, если бы на его месте был кто-то другой? Эта мысль, словно острое копье, пронзила мой рассудок и застряла там намертво.

В голове у меня всё завертелось, и мне даже показалось, что я едва не упала в обморок. Моё измученное болью сознание словно против моей воли начало стремительно выстраивать в голове безумный план.

Отец всегда учил меня видеть в любом препятствии возможности, а в любых возможностях — ступени на пути к цели.

А хотела я только одного и грезилась только одним.

Сперва я отбрасывала странные мысли, но образы были такими яркими, что я просто не могла противиться красоте решения.

Я тут же накинулась на завтрак и смела его весь без остатка, всё ещё страшась собственных фантазий, но зная где-то в глубине души, что я способна ради Дария на многое. Даже на такое.

— Я вижу, ты стала повеселее, — отметил отец, когда мы обедали с ним спустя несколько дней.

— Да. Лейла вернулась, и мы с ней отлично провели время. И знаешь, муж Лейлы, адепт Дарий Ранвейр, очень сильный маг, я говорила тебе о нём. Не знаю, знаком ли ты с ним, но он закончил академию с отличием, и у него есть серебря-

ная медаль короны. Я слышала, с твоим помощником случился несчастный случай, и ты ищешь ему замену.

Я говорила непринуждённо и легко, именно так, как нужно. Но сердце моё в этот момент колотилось как бешеное. У меня был только один шанс. Отец принимал решения быстро и никогда их не менял.

— Меня радует твоя осведомлённость, — отец посмотрел на меня удивлённо, как будто впервые в жизни увидел по-настоящему. — Без Гариуса действительно непросто, я привык к его помощи.

— Отец, — начала я, — ты всегда учил меня смотреть на всё окружающее, оценивая его с точки зрения эффективности. Твои уроки не прошли даром. С тех пор как пропал Гариус, ты словно потерял опору. Тебе нужен хороший, надёжный человек рядом.

Он кивнул.

— Ладно, девочка, пригласи их в гости, я посмотрю на этого Дария, — сказал отец и задержал на мне взгляд.

Я заглянула тогда в его серые глаза и подумала, что бы он сделал со мной, если бы узнал, что я натворила, чтобы этот разговор мог состояться? Мне было смертельно страшно. Но куда больше в моём сердце было ликования. Дарий стал на шаг ближе ко мне.

— В присутствии участника высшего совета я объявляю о решении изменить первоначальное наказание Лейлы Валенс.

Теперь решётки моей камеры в зале суда, кандалы на руках и безразличные лица моих судей как будто потускнели для меня, перестав иметь прежнее, ввергающее в ужас значение.

Я слышу твёрдый голос судьи как будто сквозь сон. Не знаю, сколько прошло времени с тех пор, как Дарий изъясил книгу, но чувствую, что не меньше нескольких дней. Я то ныряла в забытие, то приходила в сознание в тёмной камере. Ко мне приходили какие-то люди, меня кормили и давали какие-то лекарства. Несколько раз я чувствовала на своей голове чьи-то руки, что делились со мной целительной магией.

А в один из дней я просто проснулась. Сразу же схватилась за живот, боясь, что исполнится сон, который повторялся раз за разом, сон, в котором я теряла ребёнка.

Но нет. Всё было в порядке. Настолько, насколько что-то может быть в порядке, когда ждёшь последнего приговора суда. Руна на груди исчезла, и рана, которая осталась после неё, уже почти полностью зажила, оставив только едва заметный шрам. Даже лучшие лекари не могут залечивать раны

быстрее, чем за несколько дней, а это значит, что я посчитала время правильно.

— Не возражает ли уважаемый представитель совета? — спрашивает судья.

Представитель поджигает губы. На этот раз они прислали какого-то другого: тучная фигура, два подбородка, а третий, видимо, прячется где-то в складках мантии.

— Насколько мне сообщили, изначальным наказанием была смертная казнь, судья Ноктиан?

Тучный представитель совета нетерпеливо ёрзает на стуле и нехотя поворачивается в сторону судьи. Я слежу за этим разговором так, словно он касается вовсе не меня.

Я помню последние слова Дария и его просьбу отправить меня в Пепельную пустошь. От одной мысли об этом всё внутри съёживается.

Вот он. Сидит рядом с представителем и даже не смотрит на меня. Безразличный холодный взгляд.

Когда я лежала в полузабытьи, я всё крутила и крутила в голове тысячу воспоминаний, пытаюсь понять, как же я могла не заметить вероломства моего мужа? Как я могла так сильно ошибиться? Но сколько бы я ни рылась в памяти, я не могла найти ничего, ни одного намёка на то, что его предательство можно было бы распознать до того, как оно привело меня на грань гибели.

И, как выясняется теперь, гибель — это ещё не самое плохое... В Пепельной пустоши меня тоже будет ждать смерть,

но куда более мучительная, чем казнь от руки судьи Ноктиана.

— Именно так, но я рассмотрел предложение бывшего супруга обвиняемой и пришёл к выводу, что решение об отправке её на рудники в Пепельной пустоши будет более предпочтительным вариантом.

— Я бы всё же счёл более предпочтительным вариантом умертвить отступницу, — звучит высокий голос представителя.

Ощущение такое, что даже речь ему даётся с трудом: едва произнеся слово, он дышит, словно загнанная лошадь. От слова «умертвить» я невольно дёргаюсь.

— Она должна искупить хотя бы малую долю того зла, что принесла в этот мир, — мрачно говорит Дарий и стряхивает со своего идеально чёрного костюма невидимую пыль.

Представитель недовольно хмурится и вздыхает.

— Сколько средств мы потратим на то, чтобы доставить её туда? Только взгляните на неё, она едва дышит, она беременна и слаба, она не протянет там и недели. И на это мы должны тратить камни?

Впервые представитель смотрит на меня.

— Она крепкая, и у неё много сил, а Чёрный Камень подпитал эту силу. Поверьте мне, я видел, что он сделал с ней, когда изымал кровный артефакт. Это уже не человек, это наполовину порождение тьмы. Может быть, вы предложите отпустить её? — саркастично говорит Дарий и хмуρο смотрит

на представителя.

Он брезгливо кривит рот и как будто перестаёт замечать представителя, словно его слова заставили его исчезнуть.

— Я своё слово сказал, — представитель отворачивается от Дария.

Вот что его волнует — ресурсы. А я-то уж было подумала, что здесь нашёлся хоть один человек, способный испытывать милосердие.

— Споры ни к чему, — строго обрывает судья разговор. — Я принимаю решение на основе доводов рассудка, а не на основе эмоций. Если у вас нет соображений по существу, так и скажите, представитель.

— И как вы собираетесь доставлять её? — спрашивает он.

— Клетка мрака, разумеется, — говорит судья.

Представитель вздыхает и поднимает руки, а потом складывает их на животе, словно сдаваясь.

— Триста красных камней, заряженных полностью! — качает представитель головой, и всё его тело трясётся, словно желе. — Безумное расточительство. Я бы мог лишить жизни отступницу лично, если вы брезгуете, судья Ноктиан.

— Суд готов взять на себя эти расходы, — твёрдо отвечает судья.

— Заседание закрыто. Я прошу моего помощника отвести Лейлу Валенс в Северный Клык. По понтным причинам порталы осуждённой недоступны.

Когда судья бьёт молотком по столу, знаменуя окончание

процесса, я вижу торжествующую улыбку на лице Дария и недовольную гримасу на лице представителя.

Я смотрю в глаза мужа и пытаюсь увидеть в них хотя бы намёк на стыд или печаль. Но там нет ничего, кроме равнодушия ко мне и ликования от того, что он победил в споре.

Пока судья Ноктиан что-то негромко втолковывает представителю, Дарий подходит к решётке.

— Я рад, что ты выжила, Лейла, — говорит он и кивает. — И даже не потеряла ребёнка.

Он говорит так, словно это не его ребёнок, отчего в сердце вонзается острая игла. Зачем он подошёл? Издеваться? Злорадствовать?

— Тебе недостаточно того, что ты сделал? Недостаточно того, что обрёк меня на гибель? Ты ещё хочешь поглумиться?

Он смотрит мне в глаза, и его взгляд словно прожигает мою душу насквозь. Дарий подходит ближе и берётся за прутья решётки.

Мне бросается в глаза, что он снял обручальное кольцо, и теперь на его месте видно бледный участок кожи.

— Постарайся прожить как можно дольше, Лейла... — говорит он.

— Что?

— Там повсюду пепел, повсюду слёзы и боль. И там нет ни одного владеющего магией. Камни высасывают силу без

остатка, оставляя одарённых без дара. Я надеюсь, они высосут твою душу, а жить ты будешь достаточно долго, чтобы страдать и мучиться, пока не сойдёшь с ума. Прощай, Лейла...

— Прощай и ты, Дарий, — говорю я тихим голосом и смотрю в его лживые глаза. А внутри меня просыпается буря ярости, которую я едва могу сдерживать. — Ты ответишь за то, что сделал. Я не знаю как, но если есть в мире справедливость, ты ответишь...

— Вот они, чёрные слова, Лейла, слова злобы, ненависти и зла. Та Лейла, которую я знал, никогда бы так не сказала. Но той Лейлы не было, это была лишь маска. Мне жаль твою загубленную душу, ведь я любил тебя. Надеюсь только, что ты не всегда была такой.

— Ты лживый подонок! — кричу я и кидаюсь к прутьям решётки.

Дарий спокойно делает шаг назад и оглядывает меня презрительным взглядом. Кандалы не дают мне даже высунуть руку наружу, чтобы дотянуться до него. Глаза застилает туман от слёз.

— Держи себя в руках, отступница, — говорит он с отворачиванием.

Я вытираю непрошенные слёзы и отворачиваюсь. Слёзами тут не поможешь. Разговоры тоже ни к чему. Не стоило мне даже смотреть на него.

— Помощник Дарий, — слышу я как судья окликает его.

-- Да, судья Ноктиан, -- поворачивается он к судье.

-- Нас ждет обед, я надеюсь вы не против разделить его с нами.

-- Конечно, сочту за честь.

Когда, наконец, Дарий, вместе с судьей и представителем совета покидает зал суда и я испытываю чувство похожее на облегчение.

Боль от предательства в моей душе постепенно видоизменяется, превращаясь во что-то иное. Чего бы ни ждало меня там, я обязана выжить. Обязана выжить ради моего ребёнка. Всё остальное не имеет значения. Если я буду жалеть себя, если буду оплакивать свою любовь, если буду думать о прошлом, я пропаду, я не смогу выдержать всё это.

Отхожу назад и сажусь на скамью, ожидая, когда за мной придёт мой безымянный конвоир. Стараюсь успокоить безумно колотящееся сердце и дрожь во всём теле после разговора с Дарием. Я решаю сосредоточиться только на настоящем моменте, только на своём дыхании. Спокойно, спокойно. Секунда сменяет секунду. Один вдох сменяет другой. Кроме этого нет ничего. Мои руки лежат на животе, и я стараюсь думать только о дыхании и о моём ребёнке, отсчитывая один вдох за другим.

Когда решётка с лязгом открывается, я вздрагиваю.

— Пойдём, Валенс, — говорит конвоир, — до Клыка дорога не близкая.

— Что такое клетка мрака? — спрашиваю я конвоира, когда он ведёт меня прочь из опустевшего зала. Я стараюсь, чтобы голос не дрожал, но это выходит у меня скверно. Стоило мне вынырнуть из моей медитации, как страх и тревога сразу же обрушились на меня с удвоенной силой.

— Увидишь, Валенс, — говорит он, и мы выходим на освещённую галерею. Впервые за много дней я вижу настоящий свет, влетающий в высокие открытые окна. Меня едва не сшибает с ног его яркость и безудержная сила, но конвоир удерживает меня.

— Экономь силы, Валенс, — говорит он. — На той стороне они тебе пригодятся.

Мы идём молча какое-то время, поднимаясь по бесчисленным лестницам, высеченным прямо в скале. И спустя

время конвоир снова заговаривает.

— Обычным порталом тебя не переместить, потому что ты лишена силы. Тебя просто размажет и разорвёт на куски. Думаю, об этом ты догадываешься.

— Да.

— Судья и представитель совета доберутся до клетки мрака порталом. Им не нужно ходить по лестницам, как тебе и мне. Они спокойно пообедают, может быть, даже найдут время вздремнуть, пока мы с тобой добираемся до Восточного Клыка. А потом судья отправит тебя в пустошь.

— И почему её называют клеткой мрака?

— Потому что этот вид путешествий больше похож на пытку. Раньше заключённых из гуманных соображений предпочитали отправлять вместе с караванами, идущими на восток. Это намного дешевле, человечнее и дольше. Через клетку отправляют только тех, кто совершил самые страшные преступления.

За то время, что я провела в Каслморте. Этот конвоир общался со мной всегда нарочито равнодушно и отстранённо, но он был единственным, кто, кажется, не испытывал ко мне презрения.

— Ты веришь им? Веришь, что я практиковала магию с чёрными камнями? — спрашиваю я.

— Моё дело — делать работу, — отвечает он. — Камни меня не касаются, как и вообще дела магов. Я всего лишь скромный служащий.

— Меня оклеветали...

— Что ж, такое я вижу не в первый раз. И не в последний,
— равнодушно отвечает он.

Оставшуюся часть пути мы молчим. Мы идём и идём. Так долго, что мне начинает казаться, что мы ходим по кругу, поднимаясь и спускаясь по одним и тем же лестницам.

Про Каслморт я знала только то, что он огромен, что строили эту твердыню, связывающую сразу несколько гор, служивших естественным барьером столицы от северных захватчиков, несколько тысяч лет. Теперь же, когда войны не было уже пару столетий, её использовали для совсем иных целей, одна из которых — держать под стражей преступников вроде меня.

Наконец, мы выходим в огромный зал, где нас уже ждут судья, представитель совета и Дарий. Они стоят вокруг огромного, метров пяти в диаметре, чёрного круга, приподнятого над полом.

Когда мы подходим ближе, я вижу, как внутри круга по глубоко выщербленным узорам струится зловещий красный огонь. Чем ближе мы подходим к нему, тем тяжелее мне дышать. Сердце начинает колотиться, а в глазах темнеет.

— Снимите кандалы с осуждённой, — тихо говорит судья Ноктиан и подходит ко мне.

Конвоир снимает кандалы и заглядывает мне в глаза, задерживая взгляд чуть дольше, чем должен, а потом отходит.

— То, что ждёт вас в клетке, Лейла, можно пережить.

Помните об этом, это поможет вам сохранить рассудок. -- Судья говорит мягко и его голос немного успокаивает меня. -- То, что ждёт вас на той стороне — ваше наказание. Примите его с благодарностью и постарайтесь принести пользу.

Он берёт меня за руку и заходит в круг вместе со мной. Меня сразу же будто сковывает какая-то невидимая сила, не дающая мне шевельнуться. Судья крепко держит меня за руку и вдруг, глядя в глаза, произносит едва слышно:

— Найдите Сайруса, Лейла, он поможет.

Что? Я действительно слышала это, или мне показалось?

Я хочу ответить, спросить, но мой рот не открывается. Хочу шевельнуться, но моё тело словно парализовано. Судья отпускает мою руку и отходит назад, покидая круг. Я чувствую, что моё тело приподнимается над кругом, а красные всполохи огненной энергии начинают двигаться всё быстрее, и узор сливается воедино.

Судья закрывает глаза и поднимает руки. Одновременно с этим узоры подо мной вспыхивают, и яркий красный свет окутывает меня. Я хочу крикнуть от чудовищной боли, но мне нечем кричать. Свет разъедает мою кожу, сжигает ткань одежды, волосы, ногти, мою плоть. Не остаётся ничего, кроме боли.

Это нельзя пережить. Он обманул меня.

Аника

Образы родителей начали стираться из моей памяти на второй год. Их голоса и лица я пыталась вспомнить хотя бы на миг бесчисленное количество раз, однако всё было тщетно. Живыми вспомнить их мне не удавалось.

Всё, что я могла вспомнить, — как они лежали в неестественных позах на чёрных камнях, переломанные, мёртвые.

Когда мы ехали в карете за городом по прибрежной дороге, возвращаясь от гостей, в карету неожиданно, с оглушительным треском и ослепительным сиянием, ударило что-то невероятно мощное, практически мгновенно раскидав лошадей и разрушив саму карету в щепки.

Родители успели мгновенно окружить меня защитным коконом, но на себя им не хватило энергии, и я наблюдала за моментом их гибели.

Я ничего не могла сделать, лишь в ужасе наблюдать, как гибнет почти вся моя семья.

Когда сила кокона, в который меня поместили родители, иссякла, я, карабкаясь по камням у дороги, ранила колени и ладони, добралась до изломанного тела мамы и пыталась разбудить её; что-то липкое покрывало мои руки, а по щекам текли слёзы.

Я рыдала, гладила маму по волосам и звала на помощь,

прислушиваясь к яростному ветру и шуму волн. На дороге я видела мёртвых лошадей, разбросанных словно куклы; одна из лошадей, кажется, была ещё жива и издавала страшные крики, похожие на человеческие, и била копытом о воду. Видимо, её отбросило дальше, туда, где волны начинают лизать камни.

Я кричала, пока не охрипла.

И меня нашли.

Но то была не помощь, как я надеялась. Пришёл он, тот, чьего имени я так и не узнала за два года. Поэтому я звала его просто Чёрным. Он всегда был одет в неизменную чёрную мантию, и лицо его скрывал капюшон. Я видела лишь его старческий рот с глубокими морщинами.

Он подошёл к телу отца, лежащему поодаль, как будто ощупал его, перевернул на спину и равнодушно оставил лежать на камнях.

Потом он торопливо подошёл к матери и начал осматривать её.

Я глядела на синее свечение, исходящее от его рук. Он владеет силой синих камней, он должен уметь излечивать раны, значит, может помочь. Мне повезло, очень повезло.

— Где твой кровник? — спросил он, и голос его скрежетнул по ушам. — Я не чувствую его.

Он грубыми пальцами провёл по моей груди и разочарованно простонал.

— Проклятье... Как тебя зовут?

— Аника Валенс, — дрожащим голосом сказала я.

— Где твоя сестра? — потряс он меня за плечи.

— Она дома, она не поехала, у неё экзамены, и она решила остаться, чтобы готовиться... Вы же поможете? Поможете спасти маму и папу?

Я ничего не понимала и пыталась что-то ещё говорить, что-то объяснить.

Но, не обращая внимания на мои просьбы помочь матери и отцу, он взял меня на руки и понёс прочь.

Бормоча какие-то слова, Чёрный щедро вкачивал в меня синюю энергию, успокаивая и расслабляя, пока я не потеряла сознание. За мгновение до того, как отключиться, я была уверена, что спасена.

Я ошибалась.

Образ сестры, по какой-то причине, я ещё помнила, несмотря на бесчисленные попытки Чёрного стереть мою память; я сохранила для себя хотя бы Лейлу.

Я хваталась за её образ как за спасительную соломинку, которая удерживала меня от того, чтобы сдаться окончательно и погрузиться в безумное отчаяние. Лишь одна мысль, одно движение души отделяли меня от того, чтобы сгинуть, слившись с темнотой, которая теперь, спустя два года заточения, начала казаться мне живой.

Сердце тьмы. Так Чёрный называл это место. Я знала, что надо мной, высоко, — чёрная башня Каменной Короны. Закрытая, запретная башня, к которой никому не было позво-

лено приближаться. Но именно через неё я попала сюда. И теперь я знаю, что не так уж она необитаема.

Мама всегда говорила, что я стану самой сильной в нашем роду, сильнее её самой, сильнее отца, сильнее Лейлы. И так говорила не только она. Все прочили мне большое будущее.

Но теперь моей силы, кажется, вовсе не осталось. Руны, высеченные на стенах моей темницы, на потолке и на полу, по капле высасывали всю магию, что поступала ко мне из воздуха, из воды и скудной пищи. Утаить не удавалось практически ничего, даже на то, чтобы хоть немного согреть себя здесь, в холодном сыром подземелье, не говоря уже о том, чтобы попытаться оказать сопротивление.

Нет. Я всё ещё мечтала выбраться. Но знала, что это практически невозможно. За пределами камеры — часовые, которых я чувствовала даже сквозь стену, так ярко горели их огненные усилители. Они сменялись каждые восемь часов, и за годы заточения я даже научилась различать их по тонким отличиям их ауры, слабое свечение которой я ощущала через стену. Противостоять им — безумие, даже если бы у меня была полная сила. Но даже чтобы добраться до них, нужно пробиться через стену, усиленную зелёными камнями.

Одежда висела на мне, словно на вешалке. За годы, проведённые здесь, я, наверное, потеряла половину веса, хотя никогда не была полной. Сейчас я могла пересчитать каждый свой позвонок и каждое ребро. Они не кормили меня, зная, что из еды я могла бы набрать достаточно магической си-

лы, чтобы наброситься на Чёрного, что посещал меня почти каждый день. Они не давали мне воды, чтобы я всегда чувствовала себя слабой. Всё, что было мне доступно в достатке, — это сон. Но каждая ночь приносила мне лишь кошмары.

Шаги Чёрного я услышала задолго до того, как он приблизился к двери. Почти всю магию высасывали стены, но маленькое зёрнышко всегда оставалось где-то в глубине, и я могла использовать эту каплю, дробя её на микроскопические песчинки. Этого было достаточно, чтобы мой слух различал даже самые тихие шорохи.

Руны на стенах и потолке мерцают красным, когда начинает с шорохом камня о камень открываться дверь, а точнее — проём в стене, которая в остальное время кажется монолитной.

Чёрный входит и с наслаждением втягивает в себя всю силу, что собрали руны из моего тела за прошедшую ночь.

— Я пришёл, девочка. Скажи, что рада меня видеть.

Я как всегда молчу. Это только в первые месяцы я пыталась говорить с ним, пыталась просить, умолять, пыталась даже понять, чего он хочет. Только в первые месяцы во мне сохранялось обманчивое чувство надежды на то, что рано или поздно меня отпустят. Позже надежда на милосердие Чёрного оставила меня. И начались мои тщетные попытки оказывать сопротивление, вспоминать о которых больно даже теперь.

— Сегодня у тебя будет настоящее дело, девочка, — го-

ворит Чёрный. Он поднимает меня на ноги, резко дёргая за плечи, разворачивает спиной и прижимает к стене; по телу разливается привычная боль, и я невольно дёргаюсь.

Он шепчет мне на ухо:

— Сегодня важные люди увидят тебя. Так что сперва ты помоешься, и мы оденем тебя в красивое платье. Ты получишь хорошую еду. Настоящую. И мы не будем отнимать твою силу. А потом ты кое-что сделаешь. И, возможно, если будешь хорошо себя вести, ты сможешь покинуть это место.

Я не верю ни единому его слову, но внутри меня всё равно разгорается непрощенная надежда; она горит так ярко, что даже затмевает привычную боль.

— Что я должна буду сделать?

Он резко разворачивает меня к себе лицом, и я морщусь от его смрадного дыхания.

— Ничего особенного, всего лишь активировать один небольшой артефакт. Тебе это будет не трудно, моя хорошая.

Аника

По крайней мере насчёт того, что они дадут мне помыться, Черный не обманул. Погружаясь в ванну с тёплой водой, подогреваемую камнями небрежно рассыпанными в чашах, я впервые за долгие месяцы чувствую настоящее тепло, о котором мечтала всё это время.

Я даже забываю на мгновение о присутствии Черного, закрываю глаза и наслаждаюсь теплом. Но его голос тут же заставляет меня вздрогнуть.

— Отдыхай, бери столько силы, сколько нужно, — слышу я голос Черного. И он подходит к ванне, берёт несколько ярко заряженных красных камней и бросает в воду у моих ног.

Я вижу, как он жадно смотрит на моё обнажённое тело, и стараюсь прикрыться, хотя и понимаю, что он сделает со мной всё, что захочет, если у него возникнет такое желание.

Голос его звучит сладко и участливо. Так, как никогда не звучал, и от этого мне делается не по себе.

— Ну же. Возьми немного силы. Я разрешаю, — шелестит он у самого моего уха, опираясь своими сморщенными руками на край ванны.

Я осторожно опускаю руку на дно и нащупываю полностью заряженный красный камень. Как будто против моей воли, энергия тут же скользит в моё тело, а камень гаснет и

мгновенно покрывается сетью трещин. Я слышала, что так бывает, если изъять частицу силы, что хранит камень, слишком быстро, но никогда не думала, что способна на такое.

Тепло тут же заполняет резервуар силы внутри меня, и я испытываю давно забытое чувство наполненности и ясности сознания. Это похоже на взрыв, искры от которого заполняют каждый уголок моего тела, придавая ему силы.

И никто не отбирает эту силу. Ее так много в одном этом камне, что она ошеломляет меня. Она спокойно горит внутри, и это чувство так непривычно, что в первый момент я пугаюсь, думая, что сейчас Черный вытащит меня из ванной и начнёт избивать за то, что я впитала так много, да ещё и испортила камень.

Но он лишь гладит меня по мокрым волосам своими жёсткими пальцами.

— Бери сколько нужно. Ты должна быть сильной, когда я приведу тебя к ним. Ну же, смелее, возьми ещё один.

Я чувствую дрожь и страшное отвращение от того, что он рядом, но повинуюсь и подбираю ещё один камень. С ним происходит то же самое, что и с первым.

— Как же ты изголодалась, Аника, — приговаривает он и засыпает в воду ещё камней. — Ведь я добр к тебе, не так ли?

— Да, — против воли говорю я.

— Ты же скажешь им, что я хорошо с тобой обращался, верно же?

Его руки сжимаются на моей шее, и я чувствую, как толь-

ко что впитанная мной энергия красного света начинает покидать меня, забирая с собой всё тепло.

— То, что я даю тебе, я могу и отнять, всегда помни об этом.

Его голос как будто звучит у меня в голове.

— Я понимаю, — говорю я, испытывая ужасное чувство утраты только что подаренного рая.

На что я надеялась? Конечно, он заберёт всё и ещё заставит меня заплатить, как делал это раньше...

— Я вижу тебя насквозь. Я вижу всё, что ты делаешь, знаю каждую твою мысль. Даже когда меня не будет рядом, я смогу уничтожить тебя одной мыслью, девочка моя. Ты понимаешь это? Ты навсегда моя рабыня, где бы ты ни была. Твой разум и твоё тело принадлежат мне. В любой момент я возьму то, что хочу. Ты слышишь?

Я дёргаюсь, когда он сжимает мою шею ещё сильнее, но он крепко держит моё слабое тело, а слёзы сами текут из моих глаз — от боли, от обиды, от отчаяния. Ещё немного, и я умру. Ещё минута, и он высосет всё тепло из меня, даже ту крошечную крупинку, что я хранила внутри так, чтобы даже он не нашёл.

Какая-то тихая буря в моей душе не даёт мне сдаться. Как будто что-то заставляет меня жить, заставляет хотеть выбраться отсюда. Заставляет верить, что выход из этого ада существует.

— Пожалуйста, — говорю я. — Я сделаю всё, что скажете.

— Сделаешь, обязательно сделаешь, малышка. А когда они получают от тебя то, что хотят, ты вернёшься ко мне. Запомни это и следи за язычком. Потому что если ты скажешь хоть слово о нашей с тобой маленькой тайне, я сделаю с тобой такие ужасные вещи, о которых ты и не догадываешься. Если ты думаешь, что знаешь, что такое боль и страх, то ты узнаешь, как сильно ошибалась.

Руки его разжимаются, и он отходит в сторону.

— А теперь впитай столько, сколько сможешь, я разрешаю.

Я тут же дотягиваюсь до всех камней, что есть в комнате, и, словно жаждущий в пустыне, мгновенно впитываю в себя весь их свет, погружая комнату в темноту.

Слушая оглушительный треск десятков разрушающихся камней, я чувствую, как по моим жилам буквально течёт сила, наполняя мою плоть и кости, заживляя моё тело и наполняя его силой. Свет буквально ослепляет меня в следующее мгновение, и я погружаюсь в воду с головой, которая начинает кипеть и испаряться, нагреваясь от нарастающей внутри меня яростной вспышки.

Черный удивленно вскрикивает и отшатывается.

Аника

Я не знаю, сколько проходит времени. Это может быть и мгновение, и целые дни. Я сама словно превращаюсь в камень, наполненный пульсирующей силой. Чувство это такое ошеломляющее и прекрасное, что в это время для меня не существует ничего, кроме света.

Я легко вылезаю из ванны, в которой теперь нет воды, и стремительно прохожу через облако пара, чтобы за долю мгновения оказаться у двери. Каждое движение дается так легко, что мне хочется смеяться. Изумленное выражение лица Черного, мелькнувшее где-то на краю моего зрения, сменяется яростной гримасой, но мне уже все равно — я переполнена силой и буквально вылетаю из комнаты, расширяя двери. Охранники даже не успевают шевельнуться, как я молнией пролетаю мимо них.

Я с таким упоением бегу по черному коридору, опьяненная кипящей внутри меня яростной силой, что, когда натываюсь на глухую стену впереди, все, что мне приходит в голову, — пробить ее насквозь собственным телом. Что угодно, лишь бы не останавливать бег, лишь бы покинуть это отвратительное черное место...

Но что-то как будто дергает меня сзади, и знакомый леденящий голос Черного приводит меня в чувства.

— Далеко собралась, сладкая моя?

Он оказывается между мной и стеной и выставляет руки перед собой, и воздух вокруг меня становится вязким, словно медленно застывающая смола. Мои движения замедляются, пока я совсем не останавливаюсь.

От досады мне хочется плакать. Я сжимаю зубы, пытаюсь пересилить его, но понимаю, что сражаться с ним — все равно что сражаться со стихией. Я понимаю, что он неизмеримо сильнее меня.

Он размахивается и изо всех сил бьет меня ладонью по лицу, отчего слезы сразу же брызжут из глаз. Боль мгновенно проходит, заживляемая кипящим внутри меня светом, но я по-прежнему не могу шелохнуться. Он делает резкий жест рукой, и я падаю на каменный пол, ударяясь лицом.

— Мне некогда тратить время на твои шалости, — рычит он, задирая мою голову. — Совет ждет.

Он уходит, оставляя меня лежать на холодном полу без движения, а спустя минуту возвращается.

Чувствую, как магическая хватка ослабевает и рядом со мной со мной на пол, шурша, падает темная ткань.

— Надевай, да поживее. Сейчас тебя приведут в порядок.

Глотая слезы, я поднимаюсь и натягиваю на себя платье; боль от ушибов полностью проходит через минуту, и я чувствую, что сила уже не так мощно кипит во мне. Я истратила чудовищное ее количество буквально за минуту отчаянного рывка.

Когда я немного прихожу в себя, я отмечаю, что кости уже не торчат так, как раньше, как будто вместе с силой красных камней мое тело преобразилось за считанные минуты. Я и забыла, на что способна сила камней, и даже не подозревала, что способна вместить в себя столько силы.

Черный отводит меня в комнату, где меня стрижет и причесывает молчаливая женщина с брезгливым выражением лица. Она — первый человек, которого я вижу за два года, не считая Черного. Я улыбаюсь ей, но она лишь отводит глаза и хмурится.

Когда равнодушная женщина заканчивает, Черный дает мне поесть настоящей еды, как и было обещано.

Все время Черный наблюдает за мной, не давая мне расслабиться ни на мгновение. И хоть я все еще ощущаю внутри себя силу, которая распирает меня, теперь я знаю, что он может отнять ее просто щелкнув пальцами, вернув меня обратно в то жалкое состояние, в котором я находилась еще с утра.

— Теперь идем, — говорит Черный и делает жест рукой, приказывая мне следовать за ним. Он не боится, что я попробую убежать, не боится, что я ударю его в спину. Он точно знает, что я последую за ним. Он совершенно уверен, что моя воля теперь полностью подчинена его воле. И я иду за ним, послушно и покорно, подавляя яростное желание сорваться с места и снова попытаться убежать, желание наброситься на него и постараться сбить с ног и разбить его нена-

вистную голову о каменный пол. Причинить ему хотя бы малую долю той боли, что он причинял мне.

Нет. Этого нельзя делать. Не сейчас. Я против него не выстою. Сколько бы красного света я ни впитала, у Черного этого света в десятки раз больше. Он бы никогда не дал мне выпить столько, сколько было бы достаточно, чтобы противостоять ему.

Черный толкает высокие тяжелые резные двери, и мы входим в огромный мрачный зал с высокими колоннами. Зал тускло освещен, так что углы его тонут во мраке, как и потолок. Виден лишь массивный черный стол посередине и кресла, за которыми сидят люди, чьи лица слабо освещены красными камнями.

В зале так тихо, что я слышу, как бьется мое собственное сердце. Я пробегаюсь взглядом по лицам присутствующих. Они все в темных мантиях, каждый смотрит на меня. Среди них какой-то старик со смутно знакомым лицом, женщина с короткой стрижкой и злым взглядом, заплывший жиром мужчина с двумя подбородками и маленькими глазками.

Но больше всех бросается в глаза молодой красивый широкоплечий мужчина с длинными волосами и ясным взглядом зеленых глаз; он выделяется на фоне мрачных, как будто источающих зло людей, как лисица среди волков. Его глаза не кажутся ни злыми, ни равнодушными, как будто есть в нем что-то дружественное. Глядя на него, я почему-то вспоминаю о Лейле, но почему, понять не могу.

-- Похоже, все Валенсы западают на тебя, помощник Дарий, -- со смешком говорит толстяк и я сразу же опускаю глаза. -- Смотри-ка, младшенькая от тебя глаз оторвать не может.

Аника

— Магистр Шардин, — строго говорит женщина, — мы все ценим вас за жизнелюбие и хорошее настроение, но здесь ваши шутки неуместны.

Толстяк в ответ на это лишь недовольно кряхтит, похоже, не решаясь ответить женщине.

Черный подводит меня к столу и усаживает на одно из пустых кресел, а сам остается стоять за моей спиной, положив руки мне на плечи.

— Ты заставил нас ждать, — говорит старик, который показался мне знакомым. Судя по тому, что он сидит во главе стола, он тут главный. Старик погружает пальцы в свою густую седую шевелюру и приглаживает волосы. На его пальце блестит кольцо с белым камнем.

— Виноват, магистр, — подобострастно говорит Черный глухим голосом. — Девочку нужно было подготовить...

— Почему она такая тощая? — спрашивает толстяк. — Голодом ты её, что ли, морил?

Видели бы они меня ещё с утра, когда я была похожа на скелет, обтянутый кожей...

— Девочка получала всё, в чём нуждалась, — торопливо говорит Черный и сжимает мои плечи, отчего по спине бе-

гут ледяные мурашки. Я чувствую, что он снова обездвиживает меня с помощью силы. Это, похоже, уже вошло у него в привычку.

— Пусть она сама скажет, — резко говорит старик. — Лишив памяти, я надеюсь, ты не лишил её дара речи?

— Разумеется, нет, магистр!

Когда я чувствую, что Черный перестаёт держать меня, я внимательнее вглядываюсь в лица людей, разглядывающих меня, словно забавную зверюшку в зоопарке.

— Ну? — нетерпеливо спрашивает женщина. — Нет ли чего-то, что ты хотела бы сообщить нам? Ты пленница, но тайный совет благороден, и мы ни за что не допустили бы плохого обращения с одарённой.

Совет... Точно! Я вспоминаю, где видела старика. Его изображение часто мелькало в газетах, и в выпускном классе он читал напутственную речь на общем собрании. Член совета магов, один из самых могущественных людей Зантии... А перстень с белым камнем — это особый знак от верховного магистра.

А ведь я тогда, глядя на него и слушая его вдохновенную речь, хотела стать со временем такой же могущественной и мудрой.

Ни о каком тайном совете я никогда не слышала.

Я смотрю на магистра Амонтиса и понимаю, что, скорее всего, это именно он является тем человеком, по чьей вине я была заточена здесь. И, скорее всего, именно по его вине

погибли мои родители.

Но я должна скрыть ненависть. Я должна сделать вид, что вижу его впервые и не подозреваю, кто он такой.

— Со мной хорошо обращались, — говорю я, чувствуя, что не владею собственным голосом — настолько безжизненно он звучит. Я помню о словах Черного слишком хорошо и помню боль, которую он мне причинил. Да и к тому же понимаю, что ждать защиты от этих людей так же глупо, как ждать сострадания от Черного. Если Черный, их пешка, так жесток и безжалостен, то они все наверняка в разы хуже.

Никто здесь мне не поможет.

— Что-то она недоговаривает, — говорит магистр, качает головой и вздыхает. — Покиньте зал, мастер Нокслин, я поговорю с вами позже.

В голосе старика звучит такая власть и твёрдость, что я сама вздрагиваю против своей воли и чувствую, как дрожат руки Черного, лежащие на моих плечах.

— Но магистр Амонтис, — пытается что-то сказать Черный.

— Закрой рот и выйди, Нокслин, — в голосе старика звучит такая яростная злоба, что даже мне становится страшно. — Ты не видишь, как она дрожит от одного твоего голоса? Что ты там с ней делал? Тебе ясно было сказано — хранить и оберегать до нужного момента.

— Я ничего...

— Пошёл вон! — взрывается магистр.

Черный тут же убирает руки с моих плеч, и я понимаю по тихим торопливым шагам, что он уходит, а потом закрывает за собой двери.

— Она и вправду вся дрожит, — говорит женщина. Но в голосе её нет сострадания, лишь констатация самого факта.

— Как бы вы дрожали, если бы вас два года держали взаперти? — спрашивает толстяк саркастично. — Да ещё и в компании этого упыря. Простите мою дерзость, магистр Амонтис, но стоило бы проконтролировать его.

— Мастер Нокслин даже на меня навевает тоску, — более мягким голосом говорит магистр, — Нокслин мерзавец, но полезный и верный, а таких людей найти трудно, учитывая наше положение... Девочке восемнадцать лет, а в этом возрасте они боятся всего на свете. Помощник Дарий, давай уже сделаем то, ради чего мы здесь. Покажи ей артефакт.

Старик нетерпеливо потирает руки, и я вижу тень улыбки на его лице.

Молодой встаёт со своего места, подходит и кладёт рядом со мной небольшую коробку с переливающимися четырьмя основными узорами. Теперь я могу видеть его лучше. Красивый мужественный человек, излучающий уверенность и силу в каждом жесте. Но явно такой же мерзавец, как все остальные.

— Меня зовут Дарий Ранвейр, — говорит он мягким голосом. И я чувствую, что впервые за два года со мной говорят, как с человеком. — Нам нужна ваша помощь. Если вы

сделаете то, что мы просим, вы сможете покинуть это место навсегда, я вам обещаю. И вы никогда больше не увидите Стража Нокслина и будете жить, как раньше, до того... до того, как оказались здесь. Вы ведь не помните те времена?

Он пытливо смотрит на меня, и мне кажется, что сейчас я не выдержу.

Пальцы Дария касаются моего лба, и он закрывает глаза. Мне кажется, будто тонкие нити магии проникают в мой мозг. Примерно то же самое делал Черный, когда проверял меня, но гораздо грубее. Тогда мне удавалось прятать мои воспоминания всего лишь с помощью крошечной капли магии, теперь же в моём распоряжении было целое море. Вот только чувствительные нити Дария куда более тонкие и черпают силу из зелёного света, а не из красного, как я или Черный.

И мне становится страшно, что он увидит всю правду, увидит, что я ничего не забыла.

Он проникает в самые потаённые уголки и хмурится, а потом, наткнувшись на моё воспоминание о самом страшном дне, проведённом в темнице под Черной башней, внезапно отдёргивает руку, словно обжёгшись.

И в долю мгновения, когда его защита слетает, я успеваю увидеть часть его разума. Я вижу Лейлу. Сестра обнимает себя за живот, словно защищаясь, она беременна, я вижу слёзы у неё на глазах и чувствую боль Дария, когда он смотрит на Лейлу, и что-то ещё, но я не успеваю осознать, потому что

всё вдруг обрывается.

Дарий берёт себя в руки и блокирует свой разум, даже не заметив, что я заглянула в него.

Так значит они знакомы?

— Что ты там увидел, помощник? — нетерпеливо спрашивает старик.

— Ничего, — отвечает он. — Нокслин хорошо сделал свою работу.

— Разумеется, помощник. Мастер Нокслин за два года провёл ритуал дважды, чтобы наверняка избавить её от тяжёлых воспоминаний о прошлом, — говорит магистр Амонтис. — После такого даже я бы забыл, как меня зовут. Это было сделано ради блага девушки, чтобы она не страдала во время разлуки с родными. Мы же не изверги.

Дарий кивает магистру и поворачивается ко мне.

— Аника, скажи мне, ты хочешь увидеть своих родителей? Хочешь увидеть сестру? — спрашивает меня Дарий.

— У меня есть сестра? — Я улыбаюсь, но в душе моей смятение, я всё ещё не могу осмыслить то, что увидела. — Младшая или старшая?

— Старшая, — говорит Дарий с улыбкой. — Твои родители и старшая сестра Лейла ждут тебя.

Я знаю, что родители мертвы, судьба Лейлы мне неизвестна, но слова Дария звучат так естественно, что, не зная я наверняка, то поверила бы в его ложь.

Он опасен, очень опасен.

Услышав слова Дария, толстяк издаёт смешок, и женщина бросает на него осуждающий взгляд.

Он врёт, потому что хочет, чтобы я сделала то, что

ему нужно. Я понимаю, что причина его лжи может быть только одна — они снова попытаются стереть мою память, а может, сделают что-то ещё хуже.

При одном воспоминании о страшных ритуалах, которые проводил надо мной Черный, я покрываюсь холодным потом. Во второй раз я едва не утратила ту крошечную нить, которая впоследствии позволила мне распутать клубок и снова вспомнить моих родителей, мою сестру и мою прошлую жизнь.

Смогу ли я восстановить это снова?

А что, если, когда я сделаю то, что им нужно, они просто избавятся от меня?

— Вам нужно только немного нам помочь, — говорит Дарий, глядя мне в глаза. — И скоро всё это кончится, Аника.

Его глаза кажутся добрыми и сочувствующими, а интонации — полными сострадания и искренности. Но я уже усвоила урок, что здесь никому нельзя доверять. А этому опасному лжецу — в первую очередь.

Он лёгким движением открывает коробку, и я, как завожжённая, смотрю на её содержимое.

— Вы же знаете, что это такое?

Когда я вижу то, что лежит внутри, меня прошибает ледяной пот, и тело начинает трясти.

Я касаюсь пальцами кровного артефакта Лейлы. Узор этой руны я не спутаю ни с чем, а ауру, исходящую от него,

я бы распознала с закрытыми глазами, даже если бы была полностью лишена магии.

Если он здесь... Нет... Если он здесь, это может означать лишь одно — Лейлы больше нет в живых. Невозможно изъять артефакт из одарённого, не погубив его; сила просто разорвёт его на части. Она должна была воплотить его не раньше, чем станет магистром, но она не могла бы стать им за два года, да и если бы даже каким-то чудом стала, то не отдала бы самый ценный артефакт нашего рода в чужие руки...

— Я не знаю... Но чувствую его невероятную силу, — говорю я.

Голос мой дрожит, я поднимаю взгляд и смотрю в глаза человеку, как будто пытаюсь прочитать в них судьбу моей сестры. Мне хочется вскочить и прокричать ему в лицо единственный вопрос, который меня интересует. Но я не могу задать вопрос, не выдав то, что Черному, как он ни старался, не удалось подавить мою память, потому что я сумела сохранить внутри частичку силы, до которой ни он, ни руны на стенах моей камеры не могли добраться.

Что-то внутри меня подсказывает, что я ни в коем случае не должна выдавать этого.

— Ничего удивительного, твоя кровь узнаёт его. Раньше он принадлежал твоей семье, Аника.

Крепкая рука Дария удерживает меня на месте, не давая шелохнуться.

— Мы изъяли этот артефакт у одного человека. И так получилось, что нам нужна твоя помощь, чтобы активировать его. Тайный совет будет тебе очень благодарен, если ты поможешь.

— Но что случилось с этим человеком?..

— Какая разница?

— Я чувствую исходящие от него волны боли, — сдавленным голосом говорю я. И осознаю про себя, что артефакт сохранил отголоски боли моей родной сестры. От этого осознания сердце моё сжимается, и мне тяжело говорить. — Человек, который раньше его носил, теперь мёртв?

— Нет, — качает головой Дарий. — Преступница получила наказание и будет отбывать его вдали от Зантши. Это всё, что я могу сказать.

Преступница. Моя сестра. Так он её называет. Лжёт ли он теперь? Жива ли она на самом деле? Это всё, что интересует меня.

Я пристально смотрю ему в глаза, не веря ни единому его слову. Но мне не остаётся ничего, кроме как повиноваться. Они хотят, чтобы я распечатала кровный артефакт моего рода. И я ничего не смогу сделать, чтобы помешать им.

— Больно не будет, — говорит Дарий и берёт мою дрожащую руку за запястье.

Он делает надрез тонким, безумно острым ножом, держа мою руку над металлической руной.

Моя светящаяся кровь, щедро напитанная красными

камнями, капает на металл и тут же испаряется, словно его только что вынули из кузнечного горна.

Лейла

Когда кажется, что боль невозможно выносить, я начинаю кричать, но не слышу собственного крика — его заглушает грохот, заставляющий меня упасть на колени. Я сливаюсь с чудовищной вибрацией каменного диска, в который упираюсь руками, ослеплённая, обездвиженная, смертельно напуганная.

А потом, спустя, кажется, целую вечность, вибрация постепенно начинает замедляться, и я чувствую удары, сменяющие друг друга. Ощущаю я это лишь краешком сознания, который ещё может воспринимать то, что находится за пределами чудовищной, невыносимой боли, охватывающей всё моё тело без остатка.

Стук постепенно замедляется; от каждого удара всё моё тело вздрагивает, так что я падаю на ледяной диск подомной, испещрённый узорами, которые сияют ослепительно ярко, и я чувствую это даже через плотно закрытые веки.

Я пытаюсь нащупать внутри себя хоть немного магии, чтобы защититься, но магии во мне не осталось вовсе. И чем больше проходит времени, тем больше мне кажется, что вся моя прошлая жизнь — это лишь сон, и только теперь я встрети­лась с настоящей реальностью, которая навсегда застынет

в этом моменте.

Обнимаю себя за живот и шепчу про себя одно и то же слово.

«Пожалуйста. Пожалуйста. Пожалуйста...»

Стук становится всё медленнее, пока не сливается со стуком моего сердца, разрывающим голову страшными спазмами.

Я считаю каждый удар, и когда дохожу до десяти тысяч, я сбиваюсь, а потом начинаю считать снова. Безумная боль кажется мне теперь тем, что было со мной всегда. Чудовищный стук словно бы ломает мои кости каждый раз, когда я его чувствую. Я больше не кричу, и слёзы больше не текут из глаз. Слов во мне не остаётся. Я лишь считаю, отмечая каждый новый удар. Бесчисленное число раз я сбиваюсь и начинаю считать заново. Я словно сливаюсь со светящимися подо мной рунами, с этим стуком, с ревущим вокруг меня воздухом, который не даёт мне шевельнуться.

И когда кажется, что не остаётся ничего, кроме этого, когда следующий удар приходится ждать, кажется, целую вечность, вдруг всё исчезает для меня.

— Свежее мясо, — слышу я грубый голос, когда прихожу в сознание.

Чувствую твёрдый холодный камень подо мной и прислушиваюсь к словам.

— Девка! Да ещё и брюхатая... Капитан Брайс будет очень недоволен, — звучит грубый низкий голос. — Ну-ка, Лор-

дус, поди проверь, не сдохла ли.

— А сам чего не проверишь? — другой голос, высокий и насмешливый.

— Сам знаешь чего, я на эту штуку и шага не сделаю. Ненавижу эти ваши магические хреновины. Этот портал высасывает душу из человека, оставляя пустой скелет.

— Как можно высосать то, чего у тебя нет, Гарт?

— Давай, поживей, Лордус.

Слышу шаги рядом с собой и пытаюсь двинуться, но всё тело как будто забыло, как это делается. Всё, что мне удаётся, — это приоткрыть глаз.

Я вижу низко висящие свинцовые тучи и падающие хлопья пепла. Втягиваю носом воздух и ощущаю сильный запах гари и серы. Когда воздух попадает в лёгкие, я начинаю кашлять, содрогаюсь всем телом.

— Девка, брюхатая, да ещё и больная, — доносится до меня задумчивый голос. — Но хорошо хоть живая.

Рядом со мной на корточки садится мужчина. Рука в чёрной перчатке откидывает мои волосы, грубые пальцы поворачивают мою голову так, что я могу видеть лицо человека. Тонкие, почти женские черты, бледная кожа, слабый рот, кривящийся в презрительной гримасе, и редкие грязные волосы, облепляющие непропорционально большой череп.

— Твоё имя? — спрашивает человек.

— Лейла Ранвейр, — говорю я, но изо рта вырывается только едва различимый хрип, а потом я снова закашлива-

юсь.

— Когда-то и я проходил через это, — говорит он. — Отвратительное ощущение, правда?

Всё, что я могу, — лишь слегка кивнуть головой.

Он, тяжело кряхтя, берёт меня на руки и несёт. Я чувствую, как тяжело ему даётся каждый шаг.

— Смотри, не надорвись, Лордус, — со смешком говорит второй, когда тот выносит меня из круга.

— Иди в пекло, Гарт, — кряхтит он и грубо кладёт меня на пыльную землю так, что из меня вышибает дух. — Дальше можешь тащить её сам.

— Слабак, — звучит презрительный низкий голос. — Вот поэтому у тебя проблемы с женщинами, Лордус. Ты не умеешь с ними обращаться. Смотри, научу.

Надо мной склоняется широкая морда коротко стриженного человека, руки, загоревшие дочерна, бугрятся мышцами, а в глазах пляшут искры злобного веселья. Я пытаюсь приподняться, чтобы быть подальше от этого страшного лица, но сил мне хватает лишь на то, чтобы приподняться на локтях и отползти на один шаг.

— Ну чего ты, красотка? Прости сержанта Лордуса, он давно не видел красивых девок и совершенно растерялся. Сейчас мы отнесём тебя в лагерь, устроим тебе тёплую ванну, накормим и уложим спать. Не переживай, самое плохое позади.

— Правда? — выдыхаю я, совершенно сбита с толку.

— Конечно! А ты чего думала?

— Хватит, Гарт, — доносится голос Лордуса, и я вижу, как тот закатывает глаза.

— Да брось, дружище! Смотри, она уже потекла от радости, — раздаётся жестокий смешок здоровяка. — Учись, пока я жив.

А потом Гарт поднимается, достаёт из-за пояса кнут и делает оглушительный щелчок, заставляющий меня вздрогнуть.

— Сейчас ты поднимешь свою тощую задницу и пойдёшь вон туда, к башне, мерзкая отступница! — рычит он, и следующий удар хлыста достаётся мне.

Лейла

Я вскрикиваю от боли и вижу, как на моей ноге, ниже колена, появляется порез, из которого струится кровь. Смотрю на лицо Гарта и пытаюсь найти в нём хоть каплю сострадания, но там нет ничего, лишь злобное веселье. Второй, которого он звал Лордусом, стоит чуть поодаль, скрестив руки на груди, и смотрит на меня.

— Она всё-таки беременная, — говорит он. — Может, полегче с ней?

— И что с того, что беременная? От того, что она носит какого-то выродка, она теперь святая? Ты не хуже меня знаешь, кого отправляют этим порталом — только самых конченных и пропащих.

— На вид обычная девушка, — пожимает плечами Лордус.

— Ты тоже на вид похож на человека. Но это ничего не значит. Я-то знаю, какой ты подонок.

Гарт снова щёлкает кнутом, но на этот раз я успеваю убраться ноги и отползти дальше. А потом, наконец, я собираю всю волю в кулак и нахожу в себе силы подняться на ноги.

Успеваю окинуть взглядом место, куда попала. Портал, похоже, находится на холме, а передо мной открывается безрадостный пейзаж. Тёмные тучи заслоняют небо целиком,

не позволяя ни единому лучу солнечного света проникнуть сюда. Безжизненная земля испещрена разломами и глубокими ямами; в некоторых из них виднеется красный свет, и сам воздух дрожит от жара, поднимающегося из земли.

А вдалеке виднеется высокая чёрная башня, окружённая множеством строений, словно кто-то огромный беспорядочно раскидал квадратные коробки по пустоши. Если хорошенько приглядеться, можно увидеть даже отсюда крошечные фигурки людей.

Меня трясёт от боли и страха, но я всё же держусь на ногах и, под выкрики Гарта, делаю шаг вперёд, а за ним следующий. В горле страшно саднит, мышцы невыносимо болят, и каждый следующий шаг даётся мне с огромным трудом, но я иду, стараясь не обращать внимания на боль и на укусы кнута, который жалит меня всякий раз, когда я выбиваюсь из сил и останавливаюсь, чтобы перевести дух.

Неподалёку из земли вырывается огненный столб и выбрасывает вверх тучу пепла и дыма со страшным грохотом. Земля начинает дрожать, и я не удерживаюсь на ногах, падая в чёрную пыль, в последний момент успевая подставить руки.

— Я сказал не останавливаться!

Гарт грубо тянет меня за плечо и заставляет подняться, а потом толкает в спину, чтобы я продолжала идти.

— Вот странное дело, почему, как открывается портал, то всегда я должен забирать этих отступников? — жалуется он.

— Была бы моя воля, я бы сбрасывал их в огненную глотку, и дело с концом.

— Если всех будут убивать — некому будет собирать камни.

Я слышу звук плевка.

— Поганный пепел, мне кажется, что мои лёгкие уже чёрные внутри, как уголь. Странно, что я ещё дышу.

— Я бы нанимал побольше местных, — говорит Гарт.

— На прошлой неделе троих завалило в шахте, тебе не жалко своих земляков?

— Знаю, что завалило, я сам пил две ночи за их загубленные души, но за те деньги, что стоят камни, они готовы рисковать своими шеями, и их не нужно вечно подгонять, как этих чёрных отступников. Да и сил у них куда больше. Они привыкли к этим местам и не жалуются на пепел, как слюнтяи вроде тебя. Или вот этой...

При этих словах он толкает меня в спину так, что я чуть не падаю, споткнувшись о камень.

— Сколько сможет собрать эта брюхатая баба, по-твоему? А ведь её надо обучить, её надо кормить и поить... Одни расходы и никакой прибыли.

— Это не моё дело. Раз совет её прислал, значит, так надо. И к тому же, у одаренных сохраняется чутье. А без него местные вообще бесполезны. Ты это не хуже меня знаешь.

— Чтобы проявилось чутье, надо выжить. А я ставлю один красный камень на то, что эта чахоточная не проживёт и

недели.

— На меня ты тоже ставил?

— Конечно. Как только ты вышел из этого портала, я сразу решил, что ты не так прост.

— И сколько?

— Поставил три красных, что ты не сдохнешь в первый месяц. А выиграл больше тридцати. В тебя никто не верил. Гарт издаёт смешок.

— А ты почему поставил?

— По твоей крысиной морде уже тогда было видно, что ты готов грызть землю зубами, лишь бы выжить. Но в то, что ты продержишься десять лет, не верил даже я.

Сердце стучит в висках, и их разговор доносится до меня как будто через какую-то пелену. Однако смысл я хорошо понимаю и даже сейчас пытаюсь поймать крохи информации, которая могла бы мне хоть чем-то помочь. Лордус, похоже, бывший заключённый, который каким-то образом стал надзирателем или помощником, а здоровяк — из местных и явно работает тут уже очень давно... Я понимаю, что их слова напрямую касаются меня, но не осознаю этого до конца.

Всё это кажется мне каким-то страшным сном, от которого я скоро должна проснуться. Но никак не просыпаюсь. Чем ниже мы спускаемся и чем ближе приближаемся к башне, тем тяжелее и зловоннее становится воздух. Туча пепла распространяется по всей равнине, и видимость теперь ограни-

чена несколькими сотнями метров.

Я стараюсь не смотреть по сторонам и внимательно гляжу под ноги, чтобы не споткнуться. Но иногда всё же поднимаю взгляд и вижу, что вокруг нас теперь начинают появляться люди. Они тоже не смотрят по сторонам, и каждый тащит какой-нибудь груз. У кого корзина, у кого ящик, а кто-то катит тележку, гружённую инструментами. Тут и там слышны крики надзирателей, подгоняющих их.

От вида лиц этих людей сердце моё сжимается. Каждое лицо кажется измождённой маской, на каждом лице глубокие морщины, припорошенные чёрным пеплом.

Когда я в очередной раз поднимаю глаза, я вижу, что башня теперь совсем близко. Чёрные камни, как будто хаотично уложенные друг на друга, поднимаются вверх, насколько хватает моих глаз.

— Подожди тут, — бросает Гарт Лордусу, и тот остаётся позади.

А меня Гарт хватает за плечо и тянет вверх по неровной лестнице, потом толкает огромную дверь с коваными вставками, и мы входим внутрь.

— Не болтай лишнего. Я у капитана на хорошем счету и желаю, чтобы так и оставалось. Помни, что теперь я всегда буду рядом и не делай глупостей, — рычит он мне в ухо, когда мы поднимаемся ещё по одной лестнице. Я чувствую, что ещё немного и ноги окончательно откажут мне. От страшной жажды, истощения и боли я еда чувствую своё собственное

тело.

Я опираюсь рукой на холодные камни стены, всякий раз чувствуя, как они вибрируют, чтобы не упасть, поднимаясь по крутой лестнице.

Когда мы, наконец, преодолеваем подъем, то оказываемся перед высокими двустворчатыми дверями. Гарт стучит в дверь костяшками пальцев и прислушивается.

— Войдите, — звучит твёрдый властный голос с той стороны.

Гарт почти встаскивает меня в просторную комнату, обставленную дорогой мебелью.

Вижу за столом человека средних лет с зализанными назад волосами и острыми чертами лица. Мужчина одет в тёмную офицерскую форму Зантии. Увидев меня, он прищуривается, окидывает меня взглядом острых серых глаз и спокойно встаёт.

— Ты можешь быть свободен, Гарт, — говорит он, но смотрит при этом мне в глаза, куда пристальнее, чем мне бы того хотелось.

Лейла

Дверь за моей спиной со стуком захлопывается, и я вздрагиваю против своей воли.

— Садитесь, — говорит капитан чуть скривив лицо и указывает на кресло напротив своего стола. — Вы, похоже, сильно вымотаны. Надеюсь, Гарт не был груб с вами.

— Он был очень любезен, — говорю я. Сообщать капитану о том, что его человек делал со мной на самом деле я не рискую, помня о словах Гарта.

— Мне вы можете сказать. Я вижу свежие раны у вас на ногах и руках... Мои люди не применяли к вам насилие?

— Это случилось на той стороне, после суда, — отвечаю я, стараясь, чтобы моя ложь звучала правдоподобно.

Голова страшно кружится, и ноги буквально подкашиваются, так что я делаю пару робких шагов вперед и принимаю его предложение, опускаясь в жёсткое кресло.

— Спасибо, — говорю я с облегчением, и меня снова разбивает кашель.

Капитан протягивает мне стакан, и я жадно выпиваю содержимое залпом. Только спустя мгновение понимаю, что это не вода. Горло сильно обжигает, и в носу начинает щипать. Я жадно втягиваю ртом воздух, чувствуя, что задыха-

юсь.

— Не переживайте, я вас не отравил. Вытяжка из корня пепельника, немного помогает лёгким.

И верно, спустя пару вдохов я понимаю, что дышать становится легче, и сильный запах серы и гари как будто отходит на второй план.

— Так легче?

— Да, спасибо, — говорю я и дрожащей рукой осторожно ставлю стакан на стол.

Брайс достаёт платок, берёт им стакан и вместе с платком выбрасывает его в корзину для мусора, стоящую возле стола.

— Меня зовут капитан Брайс, я начальник этих рудников, — говорит он и усаживается в кресло напротив меня, продолжая как будто препарировать меня своим взглядом. Я чувствую неловкость, но глаз не отвожу.

— Лейла Ранвейр, — говорю я и протягиваю ему руку. Но он лишь смотрит на мою грязную ладонь, поджимает губы и складывает свои тонкие, ухоженные пальцы в замок.

— Не считите за брезгливость, но касаться чёрной отступницы я не стану. Я получил сообщение сегодня утром, что прибудет новая осуждённая. Но мне не сказали, что осуждённая будет беременна. Признаюсь откровенно, я недоволен. Мне нужны рабочие руки, а не лишний рот...

Он хмурится так, словно не на шутку раздосадован этим обстоятельством, потом приглаживает свои чёрные волосы, которые и так лежат ровно, и я невольно замечаю несколько

седых волосков.

— Простите, я...

— Не буду врать вам, Лейла, — перебивает он меня. — Вам будет нелегко здесь. В вашем положении, да ещё и с вашей внешностью. У нас тут, видите ли, не так много женщин, а красивых женщин ещё меньше. Я могу контролировать общую дисциплину, но то, что происходит в бараках по ночам...

От его намёков по спине прокатывается волна ледящего холода, но я не подаю вида, что напугана до смерти.

— Зачем вы всё это говорите мне? — спрашиваю я.

Он пожимает плечами.

— Скажем так. Любопытство. Вас устроит такой ответ?

Повисает пауза и я не знаю, что сказать.

— Лейла, вы ведь учились в Каменной Короне, верно?

— Да.

В глазах его словно бы загорается интерес, а лицо становится даже как будто слегка мечтательным.

— Я когда-то пытался поступить туда. Но моего дара не хватило. И знаете, не хватило какой-то малости, — он слегка улыбается и сводит указательный и большой пальцы. — Поэтому я пошёл по военному поприщу. Судьба распорядилась так, что я оказался здесь, в этом позабытом солнцем месте. Мечтал ли я об этом, когда был мальчишкой? Мечтал ли о том, чтобы стать предводителем кучки надзирателей, следящих за преступниками?

Капитан Брайс выуживает из вазы на столе ярко светящийся красный камень и смотрит на него.

— На испытании при приёме в академию я не смог впитать свет даже одного такого. Для вас же это, наверное, было раз плюнуть... Кто знает, если бы мы встретились в другое время и в другом месте, если бы я был на десять лет моложе, а вы не были бы отступницей, вы бы могли научить меня впитывать свет и удерживать его, и я не оказался бы здесь, и моя жена была бы жива. Я ведь слышал про вашу фамилию. Да... Род Валенс. Кто бы мог подумать, что судьба сведёт меня с последней из этого великого рода? Кто бы мог подумать, что последняя из этого рода свяжется с чёрными делами... У судьбы очень странное чувство реального.

Он задумчиво крутит светящийся камень в пальцах.

— Я не делала того, в чём меня обвиняют, — говорю я, чувствуя, как дрожит голос. — Меня оклеветали.

Не знаю, есть ли шанс что-то объяснить этому человеку, да и не верю в то, что он хоть что-то станет делать, чтобы помочь мне, но слова сами слетают с моих губ. По его глазам я вижу, что он заинтересован, вижу, что он хочет что-то получить от этого разговора. Но что?

Капитан в ответ на мои слова лишь машет рукой, а потом стряхивает чешуйку пепла со своего чёрного пиджака.

— Каждый преступник говорит, что абсолютно невинен. Вы тут не уникальны, Лейла. Если совет отправил вас сюда, значит, вы виновны. Вопрос только в том, можете ли вы при-

нести пользу.

Он со стуком возвращает камень обратно в вазу.

— Вы не поможете мне?

— Нет, нет, нет. — Теперь его губы расплываются в широкой улыбке. — Вы, судя по всему, превратно поняли мой к вам интерес, Лейла. С чего бы мне вам помогать? Вы думаете, если я пригласил вас к себе, я предоставляю вам особые условия? Мне осталось служить здесь полгода, у меня идеальная репутация. И хоть вы мне симпатичны, я не стану жертвовать своим будущим и будущим моего сына ради красивых глаз отступницы.

Он подаётся вперёд.

— Здесь ни для кого нет особых условий. Да даже если бы я и хотел, я бы не смог. Видите эти камни? Вы должны собирать десять таких каждый день. Десять красных, пятнадцать зелёных, двадцать синих или тридцать жёлтых. Это незыблемое правило для каждого осуждённого. Это закон. Если их не добудете вы, их должен будет добыть кто-то другой за вас. Если вы пропустили день, на следующий вам нужно будет добыть вдвое больше, в противном случае вы не получите еды. Я определяю вас в десятый отряд северного барака. Всё, что я могу сделать, — попросить надзирателей проследить за тем, чтобы на вас не напали ночью. Но мой вам совет: если так случится, кричите так громко, как можете.

Лейла

«Так громко, как сможете...»

Слова капитана все еще звучат в моей голове, когда Гарт заводит меня в чёрное здание барака.

Несколько измождённых равнодушных лиц поднимается, и уставшие глаза смотрят на меня.

Кровати расположены в три яруса друг над другом, вместо пола — утопанная земля, а вместо окон — большие щели в стенах.

— Десятый отряд, у вас пополнение. Общая норма увеличивается на 10 процентов с завтрашнего дня.

Слышится приглушенный ропот.

— Заткнулись! — Рывкает он, — девка из бывших одаренных. Если повезет, у нее скоро откроется чутье.

Он толкает меня вперёд так, что я чуть не падаю, и направляется к выходу.

— И да, информация для всех. Если кому-то из вас взбредёт в голову позариться на прелести девчонки, того я лично выпорю, — бросает он на пороге.

— Что, земляк, желаешь оставить девчонку для себя? Боишься, что попортим? Да ты не бойся, мы аккуратно! — слышится скрипучий смех с верхней койки, и высовывает-

ся грязная рожа с выбитыми передними зубами. Голова свешивается вниз. Улыбка человека выглядит отвратительно, и меня передёргивает. — А ничего, выглядит сочно...

Раздается несколько смешков с разных сторон. Я зажмуриваюсь и едва дышу. Ощущение такое, что меня прямо сейчас растерзают на месте.

Гарт медленно подходит к весельчаку, я вижу улыбку наблюдателя.

— Я заметил, что ты любишь хорошую шутку.

— Верно, земляк! Хорошую шутку и сочных баб! — хочет весельчак.

— Я тоже люблю шутки, — улыбается Гарт. Хочешь расскажу одну?

— Давай!

Резким движением Гарт хватается его за свисающие волосы и стаскивает с койки. Весельчак взвизгивает и пытается протестовать.

Когда тот падает на пол с глухим стуком, словно мешок с овощами, Гарт пинает его ногой в живот, отчего тот тут же замолкает.

— Ты чего, земляк? За что? — судорожно хватая воздух, стонет весельчак.

— То, что ты из вольных, Маргул, не даёт тебе права нарушать субординацию, запомни раз и навсегда. Ещё раз услышу твой козлиный смех — затолкаю тебе обратно в глотку все оставшиеся зубы. Понял?

— Понял, понял, — кряхтит Маргул и выплёвывает кровь на земляной пол.

— И не земляк ты мне. Дерьма кусок.

Гарт вытирает ногу о чёрную робу Маргула, лежащего на земле, и покидает барак.

Я стою и смотрю, как Маргул зыкая по сторонам, кряхтит и забирается обратно к себе.

— Повезло тебе, малышка, — слышу я тихий голос рядом с собой и оборачиваюсь. Худощавая женщина с морщинистым лицом и острыми, пронизательными глазами смотрит на меня. Её длинные волосы, тронутые сединой, завязаны назад, а голос едва слышен.

— Повезло?

— Когда я только появилась здесь, меня насиловали три ночи, и никто не изъявлял желания за меня заступиться. Были только те, кто желали присоединиться. А за тебя вступается главный надзиратель. Твоя смазливая мордашка, похоже, ему приглянулась. Если выживешь, у тебя есть шанс стать его девкой... Пойдём.

Она берёт меня за плечо жёсткими пальцами и увлекает мимо койки весельчака дальше, внутрь барака. Я чувствую его взгляд почти физически, и по затылку пробегают неприятные мурашки.

— Спать будешь здесь, на верхней полке. Сможешь залезть? Брюхо не мешает? — спрашивает она.

— Смогу, наверное, — говорю я, глядя на доски, вбитые

в стену, которые служат чем-то вроде лестницы.

— Еды для тебя на сегодня нет. Вода есть только для питья. Одеяло осталось от старого Тоби, он умер на прошлой неделе. Оно пованивает, но дырок не слишком много, тут тебе тоже повезло.

— Спасибо, вы очень добры, — говорю я.

— Никто здесь не добр. Вся доброта остаётся на большой земле, здесь же её съедает пепел без остатка. Если из-за тебя завтра мы не соберём общую норму, нам всем придётся голодать. А я по твоим хилым ручкам и личику, вот-вот готовому захныкать, вижу, что от тебя не будет никакого толку. У половины в этом бараке сейчас одна мысль: что было бы здорово, если бы тебя нечаянно завалило где-нибудь под землёй, чтобы не пришлось тянуть норму за тебя. Другая же половина уже обдумывает то, как это сделать без шума и пыли.

Я опускаю глаза и смотрю на свои дрожащие от страха и усталости руки. Сглатываю комок в горле и стискиваю зубы до боли, лишь бы слёзы сейчас не хлынули из глаз на виду у этой женщины.

— А у вас? Какие мысли у вас? — спрашиваю я.

Я смотрю в её пронизательные глаза, но она не отвечает на вопрос.

— Ложись спать, подъём через шесть часов, у нас ранняя смена.

— Но ещё светло...

— А здесь никогда и не бывает темно, — говорит она. — Здесь нет солнца, настоящую тьму ты увидишь только под землёй.

Лира отворачивается и ловко карабкается по лестнице на самый верх, больше не обращая на меня внимания.

Я собираю последние остатки сил и залезаю на ту койку, что мне указала Лира.

Накрываюсь дырявым одеялом. Меня трясёт, словно в лихорадке, так что зубы стучат друг о друга. Всё, прожитое мной в этот день, разом наваливается на меня. Ребёнок в животе беспокоен и пинается ножками. Обнимаю себя за живот и шепчу едва слышно:

— Всё будет хорошо. Мы справимся. Обязательно справимся.

Я долго прислушиваюсь к голосам и шагам внизу, вздрагивая от каждого шороха, обещая себе, что не усну ни на минуту, чтобы быть начеку. Но в конце концов невыносимая усталость окончательно одолевает меня, и я проваливаюсь в тяжёлый сон.

Лейла

Металлический звук гонга, словно раскат грома, проникает в сознание, видоизменяется и становится похожим на сход лавины в горах, расходясь волнами, сливаясь с тревожным сном, который сразу же ускользает, стоит ему столкнуться с холодной реальностью.

Кто-то грубо дергает меня за ногу.

— Вставай, брюхатая, через две минуты в бараке никого не должно быть. Если хочешь здесь выжить, придется шевелиться.

Лицо Лиры кажется вырезанным из дерева: тёмная морщинистая кожа, словно пропитанная серым пеплом, и невероятно ясные голубые глаза.

Она отворачивается и спрыгивает вниз.

Приходя в себя, вижу десятки хмурых людей внизу, которые уже толпятся в проходе. Лира присоединяется к ним.

Отвратительный звук жестяного гонга повторяется снова и снова, окончательно заставляя меня осознать, где я нахожусь.

Пытаюсь шевельнуться и чувствую ужасную боль во всём теле. В глаза словно насыпали песка, а в горле пересохло так, словно я не пила воды целую вечность.

Борясь с головокружением, цепляюсь за лестницу и спускаюсь вниз, молясь, чтобы случайно не оступиться.

— На, вот, попей, — говорит Лира и протягивает мне мягкую фляжку с водой.

Я с благодарностью принимаю её и жадно пью воду, пока Лира не выдирает её из моих рук.

— Не всю же! Проклятье, из-за тебя мне придётся тащиться на источник.

Она закатывает глаза и сплёвывает под ноги.

— Простите, я могу сходить для вас, если скажете, где взять воду...

— Послало же пекло... — бросает Лира. — Пойдём, не отставай.

Она отворачивается и проходит через толпу вперёд, больше не обращая на меня внимания.

Я пытаюсь последовать за ней, но толпа не пускает, и тут я чувствую, как чья-то рука цепко хватается меня.

Перед лицом возникает безобразная рожа Маргула.

— Куда торопишься, сладкая? Так хочется работать?

Из-за того, что у него нет передних зубов, речь его звучит как шипение змеи, изо рта доносится отвратительный запах. Я дёргаюсь, но он держит меня за плечо.

— Что ты дёргаешься?

— Отпусти, — говорю я, чувствуя, как мне становится тяжело дышать от того, что толпа со всех сторон сжимается, а он продолжает держать меня.

— Мне проблемы с Гартом не нужны, — хрипит он мне в ухо. — Сама ко мне придёшь. Норму тебе не выполнить, а если согласишься меня ублажить сегодня, дам четыре красных камня и не подпущу никого, кто попытается на тебя залезть. А я-то знаю, охотников тут хоть отбавляй. Они боятся Гарта, но этого страха хватит ненадолго. Уж больно у тебя смазливое личико, это видно даже сейчас, а если тебя отмыть...

Наконец толпа выносит меня из барака, и Маргул отпускает меня.

— Жду тебя вечером, — бросает он, и меня передёргивает, когда он целует мою руку.

— Построение! — кричит знакомый голос, и я вижу Лордуса, держащего в руках большой молот.

— Первый отряд, второй отряд, третий.

Каждое слово Лордус сопровождает ударом молота в гонг.

Все быстро начинают строиться в шеренги, словно один слаженный механизм, повинующийся злой воле. Я лихорадочно ищу глазами Лиру.

Гарт проходит от одного отряда к другому, слушая перекличку. Слышатся удары кнута, которым он подгоняет нерасторопных.

Наконец я соображаю, что шеренги отрядов строятся по порядку. Закрывая рот тканью рукава платья, чтобы не задохнуться от пепла, летающего в воздухе, быстро иду к десятой шеренге, где почти сразу замечаю знакомую фигуру

Лиры.

Рядом с ней стоит высокий коротко стриженный мужчина средних лет с широкими плечами и глубоким шрамом под глазом. От его холодного сурового взгляда я вздрагиваю, но всё же осмеливаюсь занять место с краю.

— Если не хочешь получить удар кнута, встань ровно и держи руки по швам, — резко говорит он, не удостоивая меня взглядом.

Я делаю полшага назад, убираю руку от лица и стараюсь стоять как можно ровнее. Вдыхаю горький воздух, от которого режет горло и нос, но терплю. Всё, что мне остаётся, — дышать медленно, чтобы не закашляться.

Звук кнута, то и дело пощёлкивающего по мере продвижения Гарта, каждый раз заставляет меня вздрагивать от страха. Память о том, как вчера кончик этого кнута впивался в мою кожу, всё ещё слишком яркая, да и раны, оставленные им, саднят и ноют.

Чем ближе подходит Гарт, тем сильнее стучит моё сердце. Он останавливается напротив меня и заглядывает мне в глаза. Злое лицо скалится в ухмылке.

— Как тебя зовут? — спрашивает он, обращаясь к мужчине, стоящему рядом со мной.

— Рольф, — нехотя отвечает мужчина.

— До завтра будешь добровольцем-куратором. Сдохнет сегодня — спрошу с тебя лично.

— Я старатель, а не нянька, — бросает Рольф раздражён-

но, встречаясь глазами с Гартom.

— Следи за языком, старатель, — рычит ему в лицо Гарт и щёлкает кнутом.

На щеке Рольфа остаётся маленький красный кровоподтёк, но он даже не шелохнётся.

— Если она сдохнет, твоя жизнь превратится в сплошное веселье, поверь мне, Рольф.

Мышцы на шее Рольфа напрягаются, как у быка, готового растерзать жертву.

— Если хочешь, Гарт, я могу устроить тебе веселье прямо сейчас, — рычит Рольф. — Ты и так постоянно наращиваешь норму, а теперь подкинул мне в отряд беременную бабу, да ещё и хочешь, чтобы я тратил на неё время.

Я чувствую, как внутри него разгорается неуправляемая буря ярости, вижу, как он сжимает зубы и уже готов наброситься на надзирателя.

Я вижу, что Рольф совсем не боится надзирателя, и что ещё удивительнее, кажется, сам Гарт начинает опасаться Рольфа, похоже, сообразив, что может и не выстоять против такого здоровяка, если тот вдруг решит начать драку.

— Мы справимся, — вдруг слышу я голос Лиры. Она касается плеча Рольфа, и тот как будто мгновенно расслабляется, услышав её голос.

— Куда же вы денетесь, — улыбается Гарт, и я чувствую в его голосе облегчение. Он был готов к драке, но, похоже, рад, что не пришлось в ней участвовать.

— Трусливая скотина, — глухо говорит Рольф, когда построение заканчивается и надзиратели уходят.

— Ты бы ему шею свернул, это точно! — слышу я голос и вижу молодого рыжеволосого парня. Он подходит и похлопывает Рольфа по плечу, поднимая облако пыли, отчего сразу же сам начинает кашлять.

— А потом мою башку раскрошил бы молотом Лордус, — мрачно говорит Рольф.

— Простите, что доставляю вам такие неудобства, — говорю я, пытаюсь заглянуть в глаза Рольфу. — Я не собираюсь быть обузой для вашего отряда, я быстро учусь, и я не такая слабая, как все думают. Я смогу...

— Заткнись, от твоего писка болит голова, — обрывает он меня. — Если хочешь жить, рот будешь открывать, когда я скажу. Дышать будешь, если я разрешу, идти будешь по моим следам и делать будешь только то, что я прикажу.

Лейла

— Осторожнее, — рычит Рольф и дергает меня за руку, отчего я едва не падаю. — Смотри, куда идёшь.

Маленький бугорок на дороге, на который я едва не наступаю, превращается в ямку, и что-то быстро-быстро закапывается в тёмный песок.

— Что это?

— Клещ-костеед, — мрачно говорит Рольф. — Двигается медленно, но если на него наступить, вцепится в ногу и залезет под кожу, не успеешь глазом моргнуть. И этот хлам, что тебе выдали под видом сапогов, тебе не поможет.

Я со страхом обхожу ямку. За спиной дребезжит тележка с инструментами, которую я тяну за собой. По затылку пробегают болезненные мурашки, добавляясь к зуду от грубой шерстяной ткани рубашки и штанов, пропитанных чьим-то застарелым потом, которые мне выдали вместо моего платья.

— Я лучше буду в своём, — сказала я, когда только увидела то, что мне выдали.

— Надевай. От твоего девичьего платьица к концу смены ничего не останется.

Я хотела возразить, но вспомнила, что говорил Рольф, и

проглотила свои возражения, благоразумно решив не спорить.

— Где же переодеться? — Я поглядела по сторонам, чтобы найти подходящее место.

— Прямо здесь, и поживей, — равнодушно сказал Рольф и отвернулся.

От жадных взглядов, которые бросали на меня проходящие мимо рабочие, меня до сих пор передёргивает. Хорошо, что хотя бы можно было спрятаться за широкую спину моего куратора.

Пытаюсь почесать кожу, которая нещадно зудит от влажной колючей ткани. Но чем больше чешу, тем сильнее она зудит.

— Пошевеливайся, все отряды уже в шахтах. Нам будет трудно найти хорошее место.

Он ускоряет шаг, и я вынуждена почти бежать за ним. Платок из тонкой грязной ткани, который мне выдали для защиты от пепла, слабо помогает, и я то и дело закашливаюсь от едкого воздуха пустоши.

Бросаю взгляд на безрадостную пустошь кругом. Из-за пепла и пыли, поднятых ветром, видимость сильно ограничена, но я вижу остовы деревянных построек, которые когда-то, похоже, применялись для разработки этой местности.

Оборачиваюсь назад и вижу, что чёрная башня капитана выглядит отсюда уже совсем небольшой, а значит, мы уже прошли не меньше километра.

Наконец, нам начинают встречаться другие старатели.

Хромающий старик что-то бормочет себе под нос и то и дело поправляет тяжёлую сумку за своей спиной. На нас он внимания не обращает и, не отрывая глаз, изучает дорогу, похоже, высматривая этих ужасных клещей. Мы обгоняем его и идём дальше, не говоря ни слова.

Я стараюсь идти след в след за Рольфом, хоть это и даётся мне с трудом, учитывая, что его шаг куда шире моего. По лицу и спине струится пот, отчего кожа начинает зудеть ещё сильнее, и я думаю только о том, чтобы переставлять ноги.

— Глубоко под землю сегодня не пойдём, — говорит Рольф, когда мы доходим до широких неровных тоннелей, вгрызающихся в растрескавшуюся скалистую породу. Из тоннелей доносятся гулкие голоса громко перекрикивающихся старателей, слышатся удары металла о камень, перебивающие друг друга.

Рольф нагибается и проходит в низкий тоннель, укреплённый деревянными балками. Сразу становится нестерпимо темно и душно, а все звуки усиливаются в сотню раз, даже моё прерывистое дыхание, приглушённое повязкой, здесь почти оглушает. Дребезжание и скрип колёс тележки, которую я тяну, здесь особенно режет слух, так что я невольно морщусь.

Свет внутри настолько тусклый, что я едва могу различить широкую спину Рольфа, идущего впереди. По звуку я чувствую, что мы выходим из тоннеля в нечто вроде пещеры с

высокими сводами. Здесь удары о породу усиливаются, и я уже могу различить тени людей.

— Дай фонарь, — говорит Рольф.

Фонарь представляет собой стеклянную коробку с тускло светящимся внутри жёлтым камнем, который, похоже, почти израсходовал уже свой свет. Я вытаскиваю его из тележки и протягиваю Рольфу.

— Из-за тебя пропустили лучшие места, — бормочет он себе под нос, с досадой глядя на людей, долбящих кирками ближайшую стену.

Я вижу, как после пары ударов кусок камня падает на пол, и из-под трещины в стене вырывается яркий синий свет, озаряя всю высокую пещеру, так что мне приходится прикрыть глаза, привыкшие к темноте.

— Проклятье... — скрипит зубами Рольф. — Там не меньше десяти штук...

Счастливый старатель осторожно отстукивает молотком по стене, заставляя каменную крошку осыпаться, и дрожащими пальцами вытаскивает яркие камни из породы.

— Один, два, три... — начинает он отсчитывать, опуская свои находки в мешок.

— Повезло... Нечего глазеть, пойдём.

Мы ныряем в ещё один тоннель и пробираемся дальше, пока, наконец, я не вижу знакомую фигуру Лиры, которая сидит на земле и разбивает молотком крупные камни. Рыжий парень, хлопавший Рольфа по плечу, машет киркой, вы-

секая из стены искры и каменную крошку.

Он поворачивается, увидев нас, и улыбается Рольфу.

— Как идёт? — спрашивает Рольф.

— Пока голяк, — разочарованно говорит парень и указывает на мешок, лежащий на полу чуть поодаль. — Нашли только пять красных, пару зелёных и с десятков синих и жёлтых.

Я ловлю на себе враждебные взгляды других старателей, но они ничего не говорят. Внутренне съеживаюсь от их внимания и обещаю себе, что приложу все силы, чтобы не быть для остальных обузой.

Лира бросает на меня мимолётный взгляд, вытирает со лба пот рукавом и продолжает свою работу, методично дробя камни на более мелкие. Остальные, чьих имён я ещё не знаю, продолжают работу.

Рольф берёт в руки мешок и выуживает оттуда горсть ослепительно сияющих камней.

— Норма каждого на день — десять красных камней. Остальные цвета стоят меньше, но встречаются в породе чаще, поэтому три найденных жёлтых или два зелёных равны одному красному. Найдёшь 10 красных — выполнишь норму и получишь еду. Найдёшь тридцать жёлтых — выполнишь норму и получишь еду. Весь отряд должен найти 100 красных камней. Если у отряда три дня подряд будет недобор, нас понизят и отправят дробить породу на нижние уровни. Там адское пекло и постоянные обвалы породы...

— Да, но как мне выполнить норму? — растерянно говорю я, глядя на сильных людей, без устали долбящих камень.

— Как все, — бросает Рольф равнодушно. — Вырубашь киркой породу, дробишь на мелкие куски. Повторяешь, пока не наберешь норму. Никто за тебя этого делать не будет.

Он достаёт из тележки кирку и, не обращая на меня внимания, идёт к дальней стене, где ещё есть свободный участок. Он сразу же начинает вгрызаться в стену, взмахивая киркой. Я как замороженная смотрю, как из-под его кирки вылетают крупные камни, пока Рольф, наконец, не высвобождает из стены огромный валун. Потом он оттаскивает его в сторону и продолжает то же самое, прорубая стену дальше.

Я ещё стою какое-то время, наблюдая за остальными, а потом набираюсь решимости и вытаскиваю из тележки тяжёлую кирку. Руки уже дрожат от напряжения, живот сводит от голода, а ведь я ещё и не начинала работу.

Я отхожу подальше, туда, где до меня не будет долетать каменная пыль, поднимаемая другими старателями. Собрав все силы, я бью в стену киркой, пытаюсь подражать действиям Рольфа и остальных. После первого удара по рукам проносится боль от отдачи, так что я едва не роняю инструмент.

В стене остаётся маленькая трещинка и не более того. Чуть не плача, я гляжу на неё. Потом бью ещё раз, и ещё, не обращая внимания на ужасную боль в руках, которая с каждым ударом становится всё сильнее.

Спустя, кажется, целую вечность и сотню болезненных

ударов мне удаётся, наконец, отделить от стены небольшой кусок камня, который падает на пол, поднимая каменную пыль.

Глядя на этот жалкий кусок руды, я, совершенно обессиленная, сажусь на землю рядом с ним. В душе теплится надежда, что внутри я найду хотя бы один камень.

Дрожащими пальцами беру тяжелый молоток и, вкладывая все оставшиеся силы, бью по камню, пока он не крошится на части.

Пусто.

Я закрываю лицо ладонями, чтобы никто не видел слёз, которые против воли катятся по щекам и впитываются в повязку на лице.

Я не выдержу этого. Я не смогу. Мне нужно найти десять камней, но я даже одного ещё не нашла...

И тут я чувствую, как чья-то рука ложится на моё плечо.

Лейла

— Вот, возьми, — слышу я незнакомый тихий голос и поднимаю глаза. Надо мной склоняется хрупкая девушка, её повязка опущена, так что я могу видеть её молодое лицо с тонкими чертами.

— Спасибо, — говорю я и принимаю фляжку из её рук. Делаю несколько глотков сладковато-горькой жидкости со знакомым привкусом, от которой по телу сразу пробегает удивительная волна облегчения. Ничего подобного я в жизни не пила.

— Спасибо, — повторяю я, вытирая слёзы рукавом.

— Так полегче?

— Да... Но что это? — Я с удивлением отмечаю, что руки мои перестали дрожать, дышать как будто стало легче. Сердце бьётся ровнее, и боль в руках почти исчезла.

— Я сама собираю корень пепельника и сердечный мох, добавляю мёд огненных мотыльков, ну и ещё кое-что... Это секрет, — говорит девушка и слегка улыбается, забирая фляжку у меня из рук. — Только никому не говори. За такой напиток тут кое кто и убить может.

Она прикладывает палец к губам и смотрит по сторонам, задерживая взгляд на Рольфе, который, не обращая ни на

что внимания, с грохотом выдалбливает из стены очередной валун.

— Мы не можем работать, как они, у нас просто нет столько силы, — говорит она, снова переводя взгляд на меня. Я смотрю на её худые жилистые руки и на хрупкую фигуру, которая не идёт ни в какое сравнение с мощной мускулатурой Рольфа или крепко сбитой Лиры. — А ты ещё и беременная. Если не хочешь потерять ребёнка, ты должна беречь себя.

— Но что же делать? Я потратила целый час, и это всё, что я смогла выдолбить из стены...

В отчаянии указываю на горстку дробленой породы рядом.

— Если не можешь быть сильнее, нужно быть внимательнее. Только так ты сможешь выжить. Поверь мне, я знаю, о чём говорю. Два года назад я была такой же, как ты, и едва не умерла в первый же день. И некому было помочь мне. Здесь никому нет дела до тебя, и никто не будет пытаться сохранить твою жизнь. Рольф и Лира, и остальные — они неплохие люди, но жизнь здесь учит людей только одному — выживать любой ценой. Поэтому каждый думает тут только о себе, и твоя гибель их не сильно огорчит.

— А почему тогда ты решила помочь?

— Не переживай, я тоже не бескорыстна, — улыбается она, — на тебя у меня есть планы. Кстати, меня зовут Дара. Она протягивает мне руку и помогает подняться.

— Лейла Ранвейр, — говорю я, — рада познакомиться.
— Пойдём, я покажу тебе кое-что.

Дара долго ведёт меня вдоль стены, освещая её тусклым светом фонаря с жёлтым камнем. К темноте я уже успела привыкнуть, так что отчётливо вижу все неровности и выступы.

— Ты ведь из одарённых, правда? — спрашивает она. — Кажется, я слышала твою фамилию раньше. Известная фамилия...

— Да, но мой дар из-за беременности погас, так что...

— Он погас бы в любом случае. Это место вытягивает из людей способность воспринимать силу и управлять ею. Любой одарённый, попадая сюда, неизбежно теряет свой дар. Но есть причина, по которой сюда посылают одарённых.

— Какая?

— Иногда они могут видеть то, чего не видят другие...

Дара внимательно оглядывает каждый выступ и трещинку в стене, медленно продвигаясь вглубь тоннеля.

Проходит немало времени в поисках, Дара неторопливо и внимательно идет вдоль стены вглядываясь в нее, трогает пальцами и иногда останавливается, пока наконец не находит место, которое искала.

— Смотри, Лейла. Видишь вот эти прожилки в породе? Они как будто светлее остальных участков и ветвятся по всему камню до самого верха.

Долго вглядываюсь в тускло освещенный камень и на первый взгляд как будто не вижу ничего подобного. Подхожу еще ближе и свечу фонарем, досадуя на то, что камень почти разряжен.

— Смотри внимательно, не торопись, — мягко говорит Дара. Представь, что порода — это живой организм, или растение.

Я внимательно вглядываюсь и наконец, спустя долгие минуты, понимаю, о чём она говорит. Прожилки в камне действительно проявляются. Они практически незаметны, если только не вглядываться до боли в глазах, но стоит их увидеть, как уже кажется, что непонятно, как ты не видел их раньше.

— Я вижу, — шепотом говорю я.

Дара улыбается.

— Рольф может долбить стену в любом месте, с его безумной силой это не трудно, не зря его тут зовут каменным червем. Он может перемолотить за день несколько тонн камня и не слишком устать, но мы себе этого позволить не можем. Поэтому нужно быть умнее.

Она отходит на шаг.

— Смотри, куда я буду бить. Смотри внимательно.

Я киваю и смотрю, как она размахивается и точно ударяет в тонкую линию, чуть отличающуюся по цвету от остальной породы. Тут же, ровно по линии, камень трескается.

— Нужно делать это осторожно, чтобы тебя не завалило. Следить за тем, чтобы трещины не пошли слишком высоко.

Одно неловкое движение — и ты окажешься под завалом. Первый удар самый важный.

Она отходит на шаг в сторону, находит ещё одну прожилку и так же точно бьёт в неё, создавая новую трещину в стене.

— Теперь ты. Только подумай хорошенько, куда бить. Справишься?

Я с готовностью киваю. Подхожу к стене ближе и внимательно изучаю её, светя себе фонарём. Вглядываюсь в линии, представляя, куда может пойти трещина дальше, если ударить в определённое место. И наконец выбираю одну, которая мне кажется самой подходящей.

Первый удар приходится мимо и лишь высекает из стены мелкую крошку. Второй удар приходится рядом с первым, но ещё дальше от нужного места.

— Сосредоточься. Нечего без толку махать киркой. Тебе нужен только один удар — точный и красивый. Такой удар, какой никогда не смог бы сделать Рольф.

Тихий голос Дары напоминает мне голоса моих учителей в академии, и я вспоминаю практики, владению которыми училась годами. Закрываю глаза и несколько раз глубоко вдыхаю и выдыхаю, стараясь не думать ни о чём, кроме цели — одной маленькой прожилки, которая должна соединить две трещины, что сделала Дара.

Наконец я размахиваюсь и делаю один удар. На этот раз он попадает точно в цель. Ещё пара точных ударов — и я с восторгом наблюдаю, как из стены с грохотом отделяется

большой кусок камня. А потом я зажимаюсь, потому что из получившейся дыры в стене вырывается ослепительное разноцветное сияние.

Лейла

— Будь я проклята! — с восторгом шепчет Дара, глядя на сияющие камни. — Я столько тирсов в одном месте ни разу не видела.

Она быстро озирается по сторонам и сразу же принимается собирать сияющие камни. — Да ты, похоже, счастливая, Лейла!

Дара, едва сдерживая радостный смех, осторожно высвобождает из породы один камень за другим и быстро прячет их в мешочек, висящий у неё на поясе.

— Кажется, сегодня у нас будет еда! — говорит она, улыбаясь. — Чего стоишь? Помогай, пока не набежали остальные.

Я осторожно отковыриваю ногтями ярко светящийся красный камень, и Дара тут же забирает его из моих пальцев и прячет в свой мешок.

— Не бойся, твоя будет половина. Поделим потом.

— А мы не должны сказать остальным?

— А тебе так сильно хочется с ними делиться? — Дара бросает на меня пытливый взгляд, и я неуверенно качаю головой.

— Мы должны отдать норму, больше ничего, — твёрдо говорит она. — Всё, что сверх нормы, — наше по праву. Они бы с тобой делиться не стали. Тут никто не делится.

Ещё несколько синих застряло в том валуне, что выпал из стены, и я принимаюсь собирать

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.